

★ А ★ Л ★ Е ★ К ★ С ★ Е ★ Й ★

КРЫСА

КАЛУГИН

Алексей Калугин
Мир без Солнца
Серия «Лабиринт», книга 3

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=126383
Мир без Солнца: Эксмо; Москва; 2002
ISBN 5-699-00078-X*

Аннотация

И снова, в который уже раз, болезненное любопытство ученых ставит человечество на грань катастрофы. Попытка вторжения в загадочный Лабиринт, созданный задолго до рождения нашей Вселенной, оборачивается смертельной угрозой. В мире, где нет ни Солнца, ни времени, а есть лишь безжизненная красная пустыня, каждому предстоит сделать единственно верный выбор. Лабиринт – то ли гигантский мозг, то ли чудовищный аттракцион – выворачивает наизнанку и Космос, и даже человеческие души, заставляя попавших в него участников научной экспедиции сражаться плечом к плечу с легионерами Древнего Рима против своих собственных двойников и находить поддержку у удивительной цивилизации людей-ящеров. А где-то там, вдалеке, на призрачной грани между иллюзией и реальностью, маячит выход из Лабиринта...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	36
Глава 4	49
Глава 5	65
Глава 6	83
Глава 7	97
Глава 8	126
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Алексей Калугин

Мир без Солнца

Глава 1

Станция

Пустой ящик Кийск прихватил на складе, выложив на полку остававшиеся в нем ярко-красные пластиковые пакеты с кетчупом. Сидеть на перевернутом ящике было куда удобнее, чем на неустойчивом раскладном стульчике, ножки которого, кажется, вот-вот подломятся под тобой. И цвет у ящика был приятный – ярко-зеленый. Кийск специально выбрал тот, что радует глаз.

Процедуру эту Кийск повторял изо дня в день, каждый раз выбирая ящик нового цвета. Пустых ящиков на складе было более чем достаточно, а рассчитывать на то, что у него появятся последователи, не приходилось. Помимо Кийска,

других эстетствующих оригиналов, обремененных избытком свободного времени, в составе экспедиции не было. Когда, сидя на перевернутом ящике, Кийск созерцал окрестности, проходившие мимо смотрели на него в лучшем случае как на чудака. В худшем... Второй вариант Кийск предпочитал не рассматривать. Он полагал, что имеет право поступать так, как считает нужным, даже если кому-то это и кажется странным.

Кийск покинул территорию станции через гражданский транспортный терминал. Путь через военный терминал был значительно короче, но полковник Чейни Глант, отвечающий за безопасность экспедиции, в первый же день заявил, что гражданским лицам запрещено посещать «режимные», как он выразился, отсеки станции без особого на то разрешения, выдать которое мог только он сам. Можно было подумать, что он привез с собой на РХ-183 что-то из новейших секретных военных разработок. Между тем каждому на станции было известно, что в военном транспортном терминале, помимо обычных вездеходов-квадов и пары автокаров, стоит еще тяжелый танк «Персей-35», оснащенный лазерным оружием, и три танкетки «Модус-22», рассчитанные на экипаж из двух человек: водитель и стрелок. Ну а то, что полковник запретил гражданским даже близко подходить к казарменному корпусу, выглядело и вовсе как откровенное самодурство. Такого не было еще ни в одной экспедиции из тех, в которых принимал участие Кийск. Уже ко второму

дню работы на РХ-183 у Кийска сложилось ясное представление относительно личности шефа безопасности. Полковник Глант был одним из тех штабных офицеров, которым доводилось участвовать лишь в боевых действиях, симитированных виртуальными симуляторами. Наловчившись безжалостно и точно уничтожать несуществующих врагов, он был уверен, что теперь ему сам черт не брат. Опыт командования небольшим воинским подразделением в реальных полевых условиях был необходим ему только для того, чтобы получить очередное воинское звание.

Полковник Глант неукоснительно следовал уставу и всем официальным инструкциям, поскольку внешняя форма для него была куда важнее конкретной задачи обеспечения безопасности экспедиции. К примеру, Кийск полагал, что не было никакой надобности выставлять вооруженных трассерами часовых возле ворот военного транспортного терминала и казарменного корпуса. А вот обнести сигнальным периметром и взять под круглосуточное наблюдение вход в Лабиринт было просто необходимо. Однако именно об этом полковник Глант как раз и не позаботился.

Впрочем, собственное мнение по поводу чрезмерно активной и совершенно бессмысленной деятельности, развернутой полковником Глантом, Кийск держал при себе. Полковник занимался своим делом как мог и как считал нужным. Если бы Кийск попытался давать ему советы, то в лучшем случае натолкнулся бы на стену холодного офицерского

презрения, замешанного на самоуверенности и чувстве превосходства, которое испытывает человек в форме, да еще и с большими звездами на погонах, видя перед собой гражданского. К тому же статус Кийска в составе второй экспедиции на планету РХ-183 был в высшей степени неопределенным. С одной стороны, он был введен в состав экспедиции по требованию Совета безопасности, с другой – у него не было никаких властных полномочий. Поэтому руководство экспедиции по большей части попросту игнорировало присутствие Кийска. Ему оставалось только сидеть и ждать, когда кто-нибудь обратится к нему за помощью или советом. Чем он и занимался на протяжении вот уже целой недели.

Выйдя за ворота, Кийск ногой очистил от камней небольшую площадку возле стены складского корпуса, на которой и установил принесенный с собой ящик.

Прежде чем сесть на него, Кийск окинул взглядом местность вокруг станции. Пейзаж отличался мрачным аскетизмом. Куда ни глянь – бесформенное нагромождение серых, покрытых трещинами и выбоинами каменных глыб. Говорят, что осенние бури на РХ-183 превращают ровные участки поверхности в огромные бильярдные столы, разгоняя по ним многотонные валуны. Если от ворот транспортного терминала станции взять чуть правее, то на расстоянии трех с половиной километров можно было увидеть высокую металлическую мачту, на шпиге которой трепетал красный флажок. Мачта была установлена рядом со входом в Лабиринт.

Уникальная особенность планеты РХ-183 заключалась в том, что это было единственное место во Вселенной, где вход в Лабиринт всегда открыт и не меняет своего местоположения. Во всяком случае, Кийск другого такого места назвать не мог. Между тем в Совете безопасности полагали, что лучше Кийска Лабиринт не знает никто.

В отличие от подавляющего большинства исследователей, Кийск никогда не стремился понять Лабиринт. Он воспринимал Лабиринт как некую данность, как неотъемлемую часть мироздания, без которой все сущее попросту теряло какой-либо смысл. Это ощущение возникло у него уже в тот момент, когда он впервые вошел в один из уходящих в бесконечность проходов Лабиринта. А события, свидетелем и непосредственным участником которых он стал в дальнейшем, но о которых никогда и никому не рассказывал – в противном случае у него могли возникнуть серьезные проблемы с психоаналитиками, проводившими оценку адекватности его мировосприятия, – служили подтверждением того, что первоначальное впечатление было правильным.

Присев на край ящика, Кийск привалился спиной к стене корпуса и вытянул ноги. В сибаритстве, несомненно, можно отыскать массу положительных моментов, но, когда бездельничаешь на протяжении недели, это начинает утомлять.

А что оставалось делать? Причислив Кийска к гражданским лицам, полковник Глант ясно дал понять, что не нуждается в его услугах. Ученые же из исследовательской груп-

пы имели заранее составленный план работ и четко следовали ему, полагая, что все необходимые сведения о Лабиринте изложены в многостраничном отчете Кийска, прочитать который имел возможность каждый из участников экспедиции.

Между тем Кийск был уверен в том, что профессор Майский, курировавший все научно-исследовательские работы, проводимые на базе экспедиции, выбрал изначально неверную тактику. Антон Майский являл собой признанный авторитет в области изучения неидентифицированных артефактов внеземного происхождения, и Лабиринт стал для него всего лишь очередным объектом плановых исследований. Грандиозное, не имеющее аналогов сооружение, созданное неведомой цивилизацией, исчезнувшей еще до Большого взрыва, положившего начало ныне существующей Вселенной, не внушало Майскому ни душевного трепета, ни даже элементарного уважения – ничего, помимо обычного любопытства исследователя, зачастую граничащего с беспринципностью. Он готов был затащить в Лабиринт всю имеющуюся у него аппаратуру, свято веря в то, что в конечном итоге количество непременно перерастет в качество. В ответ же на замечание Кийска о том, что понять Лабиринт можно только на чувственном уровне, опираясь на интуицию и способность предчувствовать или, если угодно, предугадывать то или иное событие, Майский лишь усмехнулся и сказал, что эпоха, когда человеческий разум считался наиболее действенным инструментом изучения окружающего мира, оста-

лась в далеком прошлом и лично ему, Антону Майскому, еще ни разу не довелось пожалеть об этом.

К разряду архаики Майский относил и представления об этических принципах, следовать которым полагалось ученому. Когда он слышал что-нибудь по поводу моральной ответственности ученого за свои открытия, то с неизменной усмешкой отвечал:

— Господа, вы мыслите устаревшими категориями. В наше время ученый, даже если он очень того захочет, все равно не сможет создать нечто, способное уничтожить весь мир или ощутимо повредить ему.

Каждый вечер Кийск исправно посещал собрания научно-исследовательской группы, пытаясь выяснить, чем именно занимаются подопечные Майского в Лабиринте. Ученые и техники смотрели на незваного гостя косо, но для того, чтобы попросить его удалиться, формальных причин не было. Впрочем, вскоре Кийск и сам убедился в том, что тратит время впустую. Стороннему слушателю почти невозможно понять, о чем идет речь, когда обсуждение проблемы ведется в кругу специалистов. Из-за обилия узкоспециальной терминологии Кийску порой казалось, что он слушает речи на незнакомом ему языке.

Но главное Кийск все же уяснил. Буквально в первые же часы работы исследователи Лабиринта столкнулись с пассивным, но при этом оказавшимся весьма эффективным сопротивлением изучаемого объекта. По этой причине Май-

ский решил временно сосредоточить все работы на трех направлениях, которые представлялись ему наиболее перспективными: изучение физических параметров необычного материала, покрывающего все внутренние поверхности Лабиринта; исследование природы странного свечения, сопровождающего каждого, кто входил в Лабиринт; и выяснение закономерностей изменения внутренней пространственной структуры Лабиринта, без чего невозможно было составить даже самую приблизительную его карту.

Кийск успокаивал себя тем, что работы в Лабиринте продолжались вот уже пятый день, а никакой ответной реакции со стороны Лабиринта до сих пор не последовало. Быть может, это давало надежду на то, что и в дальнейшем ничего из ряда вон выходящего не произойдет? Во всяком случае, Кийску очень хотелось в это верить. А пока ему оставалось только внимательно наблюдать за тем, что происходило на станции и вокруг нее, стараясь не пропустить тот момент, когда начнут сбываться все самые дурные предчувствия и ожидания и уже невозможно будет что-либо исправить.

Услышав слева от себя негромкое деликатное покашливание, Кийск оторвался от созерцания каменистой пустыни.

В двух шагах от него стоял высокий черноволосый парень с лицом восточного типа. Серый камуфляж свидетельствовал о его принадлежности к ведомству полковника Гланта. И даже оружие при нем имелось – пистолет в кобуре на поясе.

– Добрый день, – вежливо поздоровался парень. – Я вам

не помешал?

– Я люблюсь этим пейзажем вот уже без малого неделю, – Кийск взглядом указал на обступавшие станцию каменные завалы. – Если вам это интересно, – Кийск сделал приглашающий жест рукой, – присоединяйтесь.

Отметив пару дней назад тот факт, что, куда бы он ни пошел, за ним неизменно следовал человек в форме, Кийск не стал даже выяснять, какие именно подозрения заставили полковника Гланта установить за ним негласное наблюдение. Любая попытка помешать Чейни Гланту играть в его любимую игру обернулась бы пустой тратой времени. Тем более что наблюдение за подчиненными полковника Гланта – занятие само по себе отнюдь не безынтересное – вносило все же какое-то разнообразие в совершенно бессмысленный по большей части отсчет лениво тянущихся часов.

Ребята вели себя по-разному. Одни с предельной серьезностью относились к порученному им заданию и, словно тень, повсюду следовали за объектом наблюдения, как будто он и в самом деле мог куда-то исчезнуть. Другие пытались делать вид, что Кийск их ничуть не интересует и они просто по чистой случайности постоянно оказываются поблизости от него. Третьи, к которым, судя по всему, относился и парень, приставленный к Кийску сегодня, в столь глупой ситуации чувствовали себя откровенно неловко.

Поймав взгляд Кийска, парень смущенно улыбнулся.

– Меня зовут Усман Рахимбаев, 15-я рота, – представился

он. — Мы занимаемся вопросами безопасности.

— Иво Кийск, — Кийск приподнял руку и сделал жест, как будто снимал с головы шляпу, которой на самом деле не было. — Говорят, что я консультант, но, в чем именно заключается моя работа, я до сих пор и сам не пойму.

— Может быть, вы просто созерцатель? — В темных глазах парня мелькнули лукавые искорки.

— Вполне возможно, — согласился с ним Кийск. — Во всяком случае, я с детства чувствовал в себе склонность к занятиям подобного рода.

Какое-то время они оба молчали, глядя в сторону мачты с флагом, вяло обвисшим по причине полного безветрия.

— А это правда, что вы открыли вход в Лабиринт? — спросил Усман.

— Не совсем так, — ответил Кийск. — Я входил в состав первой плановой экспедиции, работавшей на РХ-183. Но вход обнаружил не я.

— Но вы единственный из состава той экспедиции, кому удалось выжить?

— Тоже ошибочная информация. Нас было двое... Откуда вам все это известно? — поинтересовался Кийск.

— Ну... — Парень замялся. — О вас много говорят...

— И что же еще обо мне говорят?

— Говорят, что потом вы принимали участие в ликвидации обосновавшейся на РХ-183 секты, практикующей человеческие жертвоприношения.

– Я был в группе, прилетевшей на РХ-183 с тем, чтобы выяснить, чем здесь занимается преподобный Кул со своей паствой. А уничтожил секту Кула сам Лабиринт.

Брови парня сошлись у переносицы, отчего лицо его приобрело чрезвычайно серьезное выражение.

– Выходит, правду говорят, что Лабиринт представляет собой угрозу для людей?

Кийск только пожал плечами – у него не было ответа на этот вопрос. Точно так же, как не было ответа и ни у кого другого.

– Я слышал, будто существует мнение, что Лабиринт – это боевая машина, – сказал, не дождавшись ответа, Усман.

– Это не так, – покачал головой Кийск. – Лабиринт – нечто гораздо более грандиозное и сложное, чем машина для уничтожения жизни. Пока нам известно о нем лишь то, что он, используя систему внепространственных переходов, связывает между собой все точки Вселенной. По собственному опыту я также знаю, что Лабиринт способен изменять течение времени: замедлять его, ускорять или даже обращать вспять. Человек, исследующий Лабиринт, похож на муравья, ползущего по стене высотного здания и уверенного в том, что он способен составить целостное впечатление о данном объекте. Как я себе представляю, у Лабиринта отношение к человеку соответствующее. До тех пор пока мы не мешаем его работе, он просто не замечает нас. Когда же мы начинаем слишком досаждать ему, он принимает ответные меры.

– Вы говорите о Лабиринте так, словно это живое существо, – заметил парень.

– Живое существо... – Кийск на секунду задумался. – Нет, я не думаю, что Лабиринт живой. Хотя и не могу полностью исключать такую возможность. Скорее всего, это машина, сложностью своей превосходящая все, с чем мы когда-либо сталкивались.

– Вы служили в галактической разведке? – спросил Усман, в очередной раз удивив Кийска знанием его биографии.

– Десять лет, – ответил Кийск.

– Как же вы оказались в составе первой плановой экспедиции на РХ-183?

– Долгая история, – болезненно поморщился Кийск.

Ему не хотелось вспоминать о том, сколько мытарств пришлось пережить в свое время, чтобы добиться хотя бы должности помощника руководителя экспедиции, отправляющейся на планету с индексом «пятнадцать». Тогда в его личном деле стояла отметка, с однозначной определенностью свидетельствующая о том, что по причине внесения значительных изменений в строение его организма Иво Кийск непригоден для работы на неосвоенных планетах. Впрочем, стояла она и сейчас, только теперь на нее никто не обращал внимания.

Глядя на серые камни, Кийск мысленно вновь, уже в который раз, вернулся к событиям восьмилетней давности, когда

на безжизненной планете, признанной экспертами СБ абсолютно безопасной для человека, погибли четверо из шести участников первой экспедиции. Он слышал, что там, где стояла их экспедиционная станция, воздвигнут монумент в память о погибших. И среди прочих на нем значится имя Иво Кийска. Но он так ни разу и не побывал на том месте.

Сейчас группа исследователей, численностью почти в десять раз превосходящая первую плановую экспедицию на РХ-183, вновь с упорством маньяков лезла в Лабиринт. Но если первая экспедиция не имела в своем арсенале даже легкого стрелкового оружия, то безопасность второй экспедиции призваны были обеспечить пятьдесят профессиональных военных, обученных всему, что может помочь человеку уничтожить противника и самому при этом остаться живым. Полковник Глант был уверен в том, что способен отразить любое нападение. Кийск же считал, что в случае, если Лабиринт решит избавиться от присутствия людей на планете, все навыки и опыт военных, точно так же, как их боевая техника, смотр которой полковник Глант проводил ежедневно, скорее всего окажутся совершенно бесполезными.

– Пора ужинать, – посмотрев на часы, сказал Усман.

– Иди, – ответил Кийск. – Я присоединюсь к тебе через пару минут.

Усман в нерешительности потоптался на месте.

– Приятно было с вами побеседовать, – проронил он, все еще не решаясь покинуть свой пост.

– Взаимно, – рассеянно кивнул Кийск.

Взгляд его при этом был прикован к флагу на мачте, возносящейся к небу неподалеку от входа в Лабиринт.

В воздухе не было ни ветерка, а флаг, пару минут назад казавшийся похожим на заброшенную кем-то на шпиль мачты красную тряпку, расправился, словно его растянули на проволочной раме. Что это могло означать, Кийск не знал. Но почему-то ему казалось, что флаг, развернувшийся сам по себе в безветренную погоду и замерший в таком положении, словно кто-то, нажав на кнопку «пауза», остановил привычный ход времени, – это дурной знак. Тот самый, который он ждал, боясь пропустить и одновременно надеясь, что никогда его не увидит.

Глава 2

Лабиринт

Отсчитав ровно тридцать две ступени вниз по легкой раскладной лестнице, пристроенной к стенке расширяющегося книзу квадратного колодца, профессор Майский ступил на первую площадку Лабиринта. У стен, освещенных яркими софитами на высоких треногах, стояли сборные металлические стеллажи, заставленные электронной аппаратурой, провода от которой тянулись в глубь проходов. Возле каждого из трех квадратных проемов, за которыми начиналась территория неведомого, стоял десантник в серой полевой форме и лихо сдвинутом на ухо пятнистом берете. На плече – ручной автоматический трассер, на поясе – широкий обоюдоострый нож в кожаных ножнах, кобура с пистолетом и три виброгранаты. Не люди, а манекены.

Майский недовольно поморщился. Еще до начала работ он долго спорил с полковником Глантом, пытаясь убедить его в том, что присутствие военных на первой площадке Лабиринта совершенно излишне. По мнению профессора, солдаты только занимали свободное пространство, которого здесь и без того было не слишком много. А случись что, им вряд ли удалось бы ускорить процесс эвакуации научного персонала, работающего в Лабиринте. Но полковник Глант

был непреклонен – у него имелись собственные представления о том, как именно следует обеспечивать безопасность проводимых в Лабиринте работ, и мнение на сей счет кого-либо из штатских его совершенно не интересовало. А в соответствии с установленным порядком работы экспедиционной группы оспорить мнение полковника Гланта относительно тех или иных мер безопасности мог только руководитель экспедиции, который в данной ситуации был на стороне полковника.

Десантники стояли, широко расставив ноги, положив руки на кожаные ремни. Застывшие в полной неподвижности, в свете ярких софитов, почти не дающем полутонов и теней, они казались похожими на экспонаты музея восковых фигур. Причина того, что при первом взгляде на десантников каждому из них можно было с легкостью поставить диагноз «кататонический ступор», была чрезвычайно проста и очевидна для каждого – одна из пяти видеокамер, установленных на площадке, вела передачу на экран в кабинете полковника Гланта. А чего полковник Глант абсолютно не терпел, так это расхлябанности и разгильдяйства. «Солдат начинается с выправки!» – любил повторять он как по случаю, так и без такового.

Стараясь не обращать внимания на безмолвное присутствие военных, Майский подошел к технику, снимавшему показания с системы автоматического слежения.

– Ну как дела?

– Все то же самое. – Техник спрятал в нагрудный карман голубой форменной куртки электронный блокнот и указательным пальцем поправил на носу перекладину старомодных очков в металлической оправе. – Мы так и не смогли извлечь кабели из стены, перекрывшей первый проход после пятой развилки. И концов их обнаружить по-прежнему не удалось.

– А что показывают приборы?

– Стандартные параметры, использованные при калибровке. Никаких отклонений от нормы.

– Следовательно, кабели не обрублены и датчики на их активных концах продолжают работать. – Майский в задумчивости поскреб ногтем указательного пальца висок. – Интересно, где они сейчас находятся?

Профессор Майский имел невысокий рост и щедаушное телосложение. Не так давно ему стукнуло сорок пять лет, но седые волосы с глубокими залысинами на висках, глубокие морщины на узком лбу, вялые губы и дряблая кожа делали его лет на пять-семь старше своего возраста. Все эти мелкие недостатки, включая оттопыренные уши с приросшими мочками, легко можно было исправить с помощью нейропластики и энзимотерапии, но Антона Майского подобные вещи не интересовали. Он относился к своему телу как к аппарату, позволяющему нормально функционировать мозгу – той единственной части человеческого организма, которая, по мнению Майского, действительно чего-то стоила.

Деталью портрета, которая мгновенно приковывала к себе внимание каждого, кто впервые встречался с Майским, были огромные серые глаза, всегда горевшие удивительным внутренним светом. Правда, если одни считали это признаком гениальности, то другие полагали, что это явный симптом латентного безумия.

Представляя собой классический тип холерика-экстраверта, Майский был необычайно труден в общении. В любой момент самого что ни на есть мирного разговора он мог неожиданно взорваться и наговорить своему собеседнику такого, от чего при иных обстоятельствах и сам бы пришел в ужас. Просить же извинения он не только не умел, но еще и не желал делать этого по принципиальным соображениям, считая почему-то, что извинения унижают не только того, кто их приносит, но и того, кому они адресованы.

Но лучшего организатора исследовательских работ, чем Антон Майский, наверное, просто не существовало. Он умел мгновенно ухватить суть любой проблемы и с ходу предложить с десятков возможных путей ее решения. Он помнил каждое поручение, которое давал своим подчиненным, и неизменно требовал полного отчета о выполнении. Он отличался широкими познаниями в науках, смежных с той, которой занимался сам, был высокоэрудирован и имел память, которая превосходно заменяла ему справочную информационную систему. Единственным его недостатком как исследователя было то, что любой прибор или аппарат, к которо-

му он прикасался, мгновенно выходил из строя. Поговаривали даже, что Майский именно потому и расширил свою память до невиданных пределов, поскольку не мог пользоваться электронным блокнотом.

– Что нового у картографов? – спросил Майский, перейдя к технике, работавшему у соседней приборной стойки.

Техник тяжело вздохнул и включил плоский экран, установленный на третьей полке.

– Это вчерашняя съемка местности.

На экране появилась сеть коридоров, ветвящихся, словно крона запутанного генеалогического древа.

Для того чтобы взглянуть на экран, Майскому пришлось приподняться на цыпочки.

– А это результаты сегодняшней съемки.

Техник тронул пальцем светоячейку, и на экране появилась еще одна схема, наложенная на первую. Для наглядности схемы были выполнены разными цветами: синим и красным. Общим у них было только начало. После первой же развилки коридоры на обеих схемах расходились в разных направлениях, чтобы никогда уже больше не встретиться.

– Какой проход? – спросил Майский.

– Второй, – ответил техник. – По первому и третьему результаты похожие: ни одна из схем, снятых в течение пяти дней, ни разу не повторилась. После вчерашней проверки по программе Новицкого я готов признать, что в ветвлении коридоров и порядке образования вертикальных колодцев не

просматривается никакой системы.

– Система должна быть непременно. – Майский вновь в задумчивости тронул висок указательным пальцем. – Только мы пока не можем ее уловить.

Майский был уверен в том, что Лабиринт имеет искусственное происхождение. А это, в свою очередь, означало то, что он действует по программе, заложенной в него неизвестными техниками. Естественно, логика тех, кто создал Лабиринт, отличалась от человеческой. Именно поэтому исследователям никак не удавалось ухватить суть системы, в соответствии с которой происходило изменение внутреннего пространства Лабиринта. Для того чтобы разобраться с этим, так же как с другими загадками Лабиринта, нужно было сначала понять, каким образом протекал мыслительный процесс его неведомых создателей.

В реконструировании способов мышления представителей внеземных цивилизаций, давно канувших в Лету, Майский не знал себе равных. Для того чтобы понять, как жили, во что верили и о чем мечтали те, о ком не сохранилось даже воспоминаний, Майскому порою было достаточно взглянуть на осколок посуды, которой они пользовались. Но, как назло, на тех участках Лабиринта, которые уже успели осмотреть, не было найдено ничего. То есть вообще ничего: ни мусора, ни пыли, ни каких-либо иных следов, оставленных теми, кто побывал здесь прежде. Пол, потолок и стены Лабиринта были покрыты полупрозрачным материалом неизвестного

происхождения, с виду похожим на расплавленное стекло, но прочным настолько, что от него не удалось отколоть даже крупинки для проведения спектрального анализа. И тем не менее Майский ни секунды не сомневался в том, что рано или поздно ему удастся найти ключ к пониманию закономерностей, на основании которых можно будет прогнозировать действия Лабиринта. Во всей Вселенной для профессора Майского существовал только один авторитет, которому он верил свято и безоговорочно, – он сам, со своим опытом и интуицией ученого.

В отличие от шефа, техник придерживался иного мнения по поводу методов исследования Лабиринта. Однако, заранее зная, какова будет ответная реакция со стороны Майского, он не собирался это мнение афишировать. Техник считал Иво Кийска единственным человеком, хоть что-то понимающим в том, что происходит в Лабиринте и вокруг него. Увы, Майский и близко не желал подпускать Иво к работе исследовательской группы. И даже более того, техник был согласен с мнением Кийска, которое тот открыто высказывал при любой возможности: лучшее, что они могут сделать, – это немедленно убратся с РХ-183 и никогда больше сюда не возвращаться.

– Где Дугин? – спросил Майский.

Техник внес изменения в программу, выведенную на экран, оставив только новую схему ответвлений Лабиринта, на которой ярко-оранжевыми точками были обозначены ме-

стоположения исследователей, находившихся сейчас в проходах.

– Вот он, – техник указал световым пером на точку, помеченную цифрой «четыре». – Возвращается. Будет здесь минут через пять-семь.

Майский коротко кивнул.

– Есть результаты по запуску в Лабиринт автоматических курсопрокладчиков?

– Неутешительные. – Техник вновь сменил картинку на экране.

Глядя на то, как мучается перед экраном Майский, вытягивая шею и балансируя на цыпочках, он хотел было предложить шефу встать на металлический поддон, задвинутый под стеллаж, но, подумав, решил, что тот не только не оценит заботы, но еще и, чего доброго, взорвется, как переспевший помидор, ударившийся о бетонную стену.

– Два курсопрокладчика пропали бесследно, – приступил к объяснениям техник. – Один – спустя восемь минут после начала работы, другой – через двадцать две минуты. Третий остановился, – техник указал световым пером на черный крестик на схеме, – и не реагирует ни на какие команды. С четвертым случилось и вовсе что-то странное. Вот он, – техник указал на еще один черный крестик, прыгающий, как кузнечик, в пределах квадрата со сторонами длиной примерно в сантиметр. – Связь с ним устойчивая, но непонятно, каким образом он оказался заперт в крошечной камере, о су-

ществовании которой мы даже не подозревали до тех пор, пока не поняли, что не можем вывести из нее курсопрокладчик.

Майский хмыкнул как-то очень уж неопределенно и посмотрел на техника так, словно подозревал его в саботаже.

– Начальных прохода три, почему же вы использовали четыре курсопрокладчика?

– Четвертый был запущен во второй проход после того, как вышел из строя первый автомат.

– Приготовьте еще три курсопрокладчика, – распорядился Майский. – Запуск завтра утром, в девять ноль-ноль.

– Понятно. – Техник сделал пометку в своем электронном блокноте. – Программу оставить прежнюю?

– Да, – кивнул Майский. – Поиск ближайшего выхода из Лабиринта.

Наклонив голову, Майский прислушался. Из первого прохода доносились приглушенные звуки, похожие на фальшивое пение.

– Дугин, – улыбнулся техник.

Пение сделалось громче. Примерно через полминуты из прохода появился человек, одетый в стандартную голубую униформу исследовательской группы. Внешность его совершенно не соответствовала классическому типу научного работника: на вид ему было около сорока, он был высок, широк в плечах, лицо у него было круглым, с тяжелой нижней челюстью и выступающими скулами, черные волосы без ма-

лейших признаков седины были коротко острижены и топорщились на затылке ежиком.

Привычным движением отстегнув закрепленный на вертикальной стойке карабин с тонким пластиковым тросом, уходящим в закрытую кожухом катушку, висевшую у него на поясе, Дугин широко улыбнулся всем присутствующим и, обратив особое внимание на Майского, широко раскинул руки в стороны, так, словно собираясь заключить профессора в объятия.

– Порядок, Антон! – громогласно провозгласил он. – Скоро мы начнем получать ответы на наши вопросы.

Наверное, только тренированные десантники не вздрогнули, когда звуки зычного голоса, отразившись от стен, раскатились по замкнутому пространству площадки.

Дугин познакомился с Майским на корабле, доставившем экспедицию на РХ-183. Они не то чтобы сразу же поладили друг с другом, но сумели быстро найти общий язык, поскольку каждый не просто являлся признанным специалистом в своей области, но был еще и подлинным фанатиком, способным за работой забыть обо всем на свете. К тому же Дугин был одним из немногих, кто сам подал заявку на участие в экспедиции и сумел убедить авторитетную комиссию, что он сущая находка для исследования Лабиринта. Осваивая нейропрограммирование – занятие, которое по силам лишь очень немногим людям со сверхустойчивой психикой, – Дугин заодно получил еще и диплом психолога. Он был уве-

рен, что именно сочетание двух этих специальностей позволит разобраться в том, что же представляет собой Лабиринт: сложную самопрограммирующуюся систему или просто автомат, задача которого сводится к выполнению ряда простейших функций, смысл которых для людей остается непонятным.

На «ты» Дугин обращался к Майскому вовсе не для того, чтобы подчеркнуть свои особые отношения с шефом, — он обращался так ко всем, кого знал. И самым удивительным было то, что дугинское «тыканье» никому не казалось хамством.

— Ты что-то уж очень весел сегодня. — Майский окинул Дугина оценивающим взглядом. — Выложишь все сам, или придется тебя пытаться?

Широкое лицо Дугина расплылось в счастливой и вполне самодовольной улыбке.

— Помнишь тот раздел в отчете Кийска, где речь идет о месте, которое он называет локусом? — Дугин подошел к Майскому и, положив локоть на металлическую перекладину стойки, отчего все приборы принялись лихорадочно мигать, посмотрел на шефа сверху вниз. — Кийск еще утверждает, что через локус можно в какой-то степени воздействовать на работу Лабиринта.

— Ты нашел локус?!

Майский уже понимал, что Дугин не зря завел разговор о локусе, но при этом все еще боялся поверить в такую удачу.

– Ага, – изображая смущение, Дугин потупился и ковырнул носком спортивных тапочек пол.

Он ожидал заслуженной похвалы от шефа. Но Майский вместо того, чтобы по старинному обычаю троекратно облобызать героя и вручить ему памятный подарок, подпрыгнул на месте и негодуяще проорал:

– Почему сразу не связался со мной!

Дугин от неожиданности подался назад, едва не опрокинув стойку с приборами.

– Постой, Антон...

– Какого черта «постой»! – взмахнул перед носом Дугина своими маленькими кулачками Майский. – Какой, к дьяволу, Антон! Обнаружив локус, ты должен был немедленно доложить об этом мне!

– А что я сейчас делаю? – На случай новой атаки Дугин выставил перед собой полусогнутую руку. – Ты думаешь, что добрался бы сюда быстрее, если бы знал об этой находке?

В отличие от других коллег Майского, Дугин умел найти удивительно простые аргументы, которые могли заставить Майского задуматься и хотя бы на время умерить свой пыл.

– Хорошо. – Ткнув пальцем в светоячейку, Майский вывел на экран последнюю по времени схему Лабиринта. – Где локус?

– Здесь, – Дугин отметил световым пятном точку в глубине переплетения ходов. – На втором уровне.

– На втором уровне? – Глаза Майского вновь метнули при-

горшню молний в сторону подчиненного. – Я же ясно дал всем понять, что мы пока занимаемся только первым уровнем! Мы даже курсопрокладчики на второй уровень не посылаем!

– Выходит, я сработал лучше твоих курсопрокладчиков, – беспечно усмехнулся Дугин. – Как я слышал, все они встали, не выбравшись даже за пределы исследованной зоны.

– А фал! – Майский с размаха ударил рукой по коробке с тросом, висевшей на поясе Дугина. – Почему ты не оставил катушку в локусе? Как мы теперь найдем его?

– Успокойся, Антон. – Дугин обнял Майского за плечи и отвел его в сторону от стеллажа с приборами. – Если бы я оставил в локусе конец фала, то после очередного изменения внутреннего пространства Лабиринта, идя по тросу, мы рано или поздно наткнулись бы на глухую стену, из которой торчал бы этот самый фал. Такое уже случалось не раз.

– Но локус!..

Дугин не дал Майскому договорить.

– По-твоему, я похож на идиота? – Он вновь похлопал шефа по плечу. – Я оставил в локусе свой конектор. – Дугин поднял левую руку и оттянул рукав, демонстрируя пустое запястье, на котором обычно носил широкий наборный браслет из иридиевых пластинок. – Где бы он ни находился, я смогу связаться с ним через компьютер, имеющий выход на спутник.

– Мы и раньше делали попытки отслеживать изменения

пространственной структуры Лабиринта, используя для этого квантовые маячки, – напомнил Майский. – Но они выходили из строя прежде, чем мы успевали понять, что происходит.

– Маячки, скорее всего, были физически уничтожены. Мы до сих пор не знаем, каким образом Лабиринт изменяет направление и расположение своих ходов, но то, что при этом непременно должно происходить искажение структуры пространства, мне представляется бесспорным.

– А чем твой конектор лучше маячков?

– Тем, что я оставил его не в проходе, а в локусе. – Дугин заговорщицки подмигнул Майскому: – Понимаешь, в чем тут разница?

Майский быстро провел тыльной стороной ладони по подбородку, как будто хотел проверить, насколько хорошо он сегодня утром побрился.

– Ты думаешь, локус не претерпевает никаких структурных изменений в момент, когда Лабиринт перестраивает себя. Верно?

– Самую суть ухватил, шеф, – Дугин щелкнул пальцами перед носом Майского. – Если в локусе находится система управления Лабиринтом, то он не может меняться вместе со всем Лабиринтом, – кто-то ведь должен контролировать процесс.

– Кийск в своем отчете писал, что локус в Лабиринте, скорее всего, не один.

– И в этом я с ним совершенно согласен, – кивнул Дугин. – Лабиринт – это самая огромная самоуправляющаяся система из всех, с которыми нам когда-либо приходилось сталкиваться. И для того, чтобы осуществлять наблюдение за ним, конечно же, требуется не один контрольный пункт.

Майский азартно хлопнул в ладоши.

– Наконец-то мы подцепили что-то стоящее! – Забыв на время о Дугине, он подбежал к технику, занимавшемуся контрольными приборами: – У нас имеется готовый к работе курсопрокладчик?

Техник поспешно кивнул.

– Немедленно запусти автомат в Лабиринт и проработай оптимальный маршрут к локусу, – Майский ткнул пальцем в точку на экране, оставленную световым пером Дугина. – К тому времени, когда группа соберется, маршрут должен быть выверен. Я не намерен терять время, петляя по Лабиринту.

Техник снова кивнул и тут же принялся за дело. Малейшее промедление могло быть расценено руководителем как недобросовестность, а то и как откровенное манкирование служебными обязанностями. А при вспыльчивом характере Майского любой конфликт с руководителем исследовательской группы мог закончиться для провинившегося не просто отстранением от работы, но еще и десятком-другим отрицательных баллов на служебной карточке, что далеко не лучшим образом сказалось бы на дальнейшем продвижении по службе.

Тем временем Майский обратил внимание на второго техника.

– А ты вызови сюда группу Али-Бейни! Пусть тащат все свое оборудование!

Убедившись, что техники заняты делом, Майский многозначительно посмотрел на Дугина и еще раз хлопнул в ладоши.

– Знаешь, что меня в тебе умиляет, Антон? – ехидно улыбнулся Дугин. – Ты всегда уверен в том, что при достаточной энергии и напоре можно пробить любую стену.

– Разве это не так?

– А что ты собираешься делать в соседней камере?

Майский недовольно поморщился. Его тип мышления идеально соответствовал требованиям, необходимым для решения конкретных научных задач. Когда же нужно было продираться сквозь дебри логически противоречивых и не облеченных в конкретную форму абстрактных образов, Майский испытывал почти физическое страдание, чувствуя, как мозг его начинает распадаться на тысячи крошечных ячеек, каждая из которых пытается решить задачу самостоятельно. Именно поэтому Майский никогда не читал художественную литературу – он не мог взять в толк, для чего людям нужно снова и снова объяснять то, что и без того должно быть понятно каждому здравомыслящему человеку. По мнению Майского, десяти Моисеевых заповедей вполне достаточно для того, чтобы регламентировать нормальные вза-

имоотношения между людьми.

– Давай без метафор, – с тоской посмотрел он на своего собеседника. – Что конкретно ты предлагаешь?

– Локус, как и описывал в своем отчете Кийск, имеет форму равнобедренного треугольника. В центре его установлен куб, выполненный из абсолютно черного материала, подобного которому мне лично видеть не доводилось. Выемка с одной из сторон куба делает его похожим на грубое каменное кресло. Кийск указывает в своем отчете, что этот куб является своеобразным интерфейсом, через который можно как вводить в систему локуса новую информацию, так и извлекать из нее ту, что в ней заложена. Именно на этом месте я и оставил свой конектор.

Дугин сделал многозначительную паузу, ожидая, что скажет Майский.

– Ты хочешь попытаться использовать конектор для того, чтобы вытянуть из локуса содержащуюся в нем информацию. – Глаза Майского сверкнули охотничьим азартом, словно у голодного волка, подбравшегося на расстояние всего одного прыжка к ничего не подозревающему зайцу.

– В точку! – щелкнул пальцами Дугин.

– Техник! – призывно взмахнул рукой Майский.

Все трое техников, находившихся на площадке, одновременно посмотрели в его сторону.

– Отмените назначенный сбор группы Али-Бейни, – приказал Майский, сам не зная, к кому из техников в данный мо-

мент обращается, но будучи абсолютно уверенным, что распоряжение будет незамедлительно выполнено.

– Кстати, Антон, ты обратил внимание на флаг на мачте?

– Флаг на мачте? – непонимающе посмотрел на Дугина Майский. – А что с ним случилось?

– Когда я спускался в Лабиринт, полотнище флага было растянuto и совершенно неподвижно. Оно казалось вырезанным из плотного картона.

– Ну и что? – безразлично пожал плечами Майский.

– Странно это как-то, – Дугин провел двумя пальцами по подбородку. – Ветра ведь нет. Да и на ветру флаг не стоит неподвижно.

– Должно быть, это связано с особенностями движения воздушных потоков, – Майский легко отмахнулся от вопроса, который не интересовал его в данный момент. – Если бы я занимался метеорологией, то, возможно, и заинтересовался бы этим явлением.

Краткая информация о странном поведении флага на мачте скользнула по периферии сознания профессора, не оставив никакого следа. Майский не имел привычки обращать внимание на мелочи.

Глава 3

Утренний кофе

Лиза Стайн – так звали руководителя второй плановой экспедиции на планете РХ-183.

Сколько ей было лет, никто точно не знал, за исключением архивных работников, заполнявших досье. Стайн не афишировала свой возраст, но при этом и не особенно старалась скрыть его. Выглядела она моложаво, и только сеточки тоненьких морщинок вокруг глаз и в уголках губ, становившиеся особенно заметными, когда она нервничала или злилась, добавляли ей лишние годы. Она никогда не пользовалась косметикой, ни разу не делала пластической операции и даже не стала окрашивать седину, когда та начала пробиваться в коротко подстриженных светло-рыжих волосах. Из всей возможной одежды она отдавала предпочтение комбинезону. А из обуви обычно выбирала ту, которая не имела каблучков. Мадам Стайн была женщиной властной и волевой, способной подчинить и держать под контролем даже тех, кому это не по нраву. Она ярко продемонстрировала это пятнадцать лет назад, когда группа, работающая на Сартане, едва не погибла из-за того, что руководитель экспедиции потерял контроль над действиями вверенных ему людей. Как выяснилось позднее, причина неадекватного поведения чле-

нов экспедиции объяснялась очень просто: начался период цветения кайсовых кустов, росших повсюду вокруг экспедиционной станции. Их пыльца содержала сильный алкалоид, оказывающий возбуждающее воздействие на психику человека и вызывающий галлюцинации. Но в то время никто об этом не знал, и только решительные действия Лизы Стайн, тогда еще простого техника-исследователя, самовольно сместившей с должности назначенного на Земле руководителя и занявшей его место, спасли экспедицию от гибели.

Стайн не предполагала, что на РХ-183 у нее могут возникнуть какие-то серьезные проблемы. Но тем не менее она отнеслась к новому заданию со свойственной ей серьезностью. Если в первый день, когда участники экспедиции узнали, что их руководителем стала женщина, у кого-то мелькнула надежда на то, что жизнь на станции превратится в один большой пикник, то уже к утру второго дня иллюзии рассеялись. Мадам Стайн сразу же дала всем понять, что хозяйкой на станции является она, и только она. Перечить ей не решались ни Антон Майский, ни полковник Глант.

Но если Майский по старой привычке временами еще пытался взбрыкивать, то с полковником Глантом у Стайн сложились превосходные отношения. Наверное, их даже можно было назвать дружескими. Полковник Глант не мог не относиться с уважением к женщине, которая лишь усилием воли и силой собственного авторитета удерживала в подчинении примерно сотню людей. А Лизе Стайн, как ни странно,

всегда нравились высокие подтянутые мужчины в военной форме.

Ежедневно, после утреннего развода, убедившись в том, что каждый из его подчиненных занят делом, полковник Глант непременно заглядывал в кабинет руководителя экспедиции. Делалось это под предлогом обсуждения плана работ на текущий день. Но обычно такое обсуждение плавно перетекало в дружескую беседу за чашечкой кофе. Стайн и Глант могли долго и обстоятельно обсуждать совершенно незначительные, на взгляд постороннего человека, моменты, касающиеся организации работы исследовательской группы или обеспечения безопасности станции. Куда реже речь заходила о книгах, музыке или видеофильмах. Но, что бы ни сказал один из них, это непременно находило отклик у собеседника. Это был действительно хороший рабочий тандем понимающих и уважающих друг друга людей.

Когда ровно в девять тридцать по станционному времени раздался негромкий, раскатистый удар гонга, который Стайн выбрала из меню предлагаемых звуковых сигналов дверного зуммера, Лиза невольно улыбнулась – полковник Глант отличался исключительной пунктуальностью, и, если дверной зуммер прозвучал точно в половине десятого, это мог быть только он и никто другой.

Лиза коснулась пальцем светоячейки интеркома и негромко произнесла:

– Входите, господин полковник.

Негромко щелкнул дверной замок. Дверь плавно откатилась в сторону, и на пороге кабинета нарисовался полковник Чейни Глант во всей своей красе. Высокий, худощавый, повоенному подтянутый, с рельефным профилем, так и просящимся на аверс юбилейной медали, с благородной сединой в каштановых волосах, — он просто не мог не нравиться женщинам.

— Мадам, — полковник Глант сначала отдал честь, затем коротко поклонился и только после этого переступил порог.

Немного демонстративная галантность и преувеличенная строгость военной выправки полковника казались Лизе забавными, похожими на стремление подростка выглядеть старше своего возраста. Впрочем, Лиза записывала это полковнику в актив — ее умиляли мужчины, в душе которых продолжал жить ребенок. Лиза полагала, что такой человек не способен умышленно причинить зло кому бы то ни было, а потому на него можно положиться в любой, самой сложной жизненной ситуации.

Полковник, как всегда, был одет в парадный мундир десантных частей Земли: темно-синий френч, туго перетянутый широким кожаным поясом с португеей и кобурой под табельный пистолет «глок», брюки с несминающимися стрелками и черные, до блеска начищенные ботинки с узким рантом. На согнутом локте левой руки, придерживая кончиками пальцев широкий полупрозрачный козырек, Чейни Глант держал фуражку с малиновым околышем и высокой

тульей. На фуражке красовалась эмблема десантных частей: летящий орел с пучком молний, зажатый в когтистых лапах. Две полоски орденских планок занимали полагающееся им место над левым карманом френча.

Полковник Глант даже в особо торжественных случаях отдавал предпочтение именно планкам, а не соответствующим им орденам и медалям по той простой причине, что это были не награды за проявленное мужество, а юбилейные наградные знаки, которые вручались за выслугу лет или в ознаменование каких-либо исторических событий. К числу последних относилась, например, медаль «Участнику Шенского конфликта», которую получил каждый, кто во время вышеупомянутого конфликта носил военную форму, даже если он, не покидая Земли, занимался составлением военных сводок для средств массовой информации, как это было в случае с полковником Глантом, в то время блиставшим капитанскими погонами. Чейни Глант полагал, что надпись на медали может прочитать каждый, а вот в сочетаниях цветных полосок на орденских планках гражданские, в большинстве своем, не разбирались. Увы, полковнику не было ведомо, что Лиза Стайн выросла в семье профессионального военного и любимым украшением, которое она цепляла ко всем своим нарядам, были для нее в детстве орденские планки отца. Уже тогда маленькой Лизе было известно значение каждой полоски на них.

– Полковник, – Стайн приглашающим жестом протянула

руку в сторону кресла, стоявшего слева от ее рабочего стола.

Полковник Глант вновь галантно поклонился и сел. Фуражка полковника заняла свое обычное место на углу стола.

– Кофе? – предложила Лиза.

– Благодарю вас, – полковник слегка наклонил голову.

Это было традиционное начало встречи руководителя экспедиции со старшим офицером, отвечающим за безопасность, после чего они переходили друг с другом на «ты».

– Какие новости, Чейни? – спросила Лиза, разливая по чашкам заранее приготовленный крепкий кофе, который они оба пили без сахара и сливок.

– То, что вчера Дугин обнаружил в Лабиринте локус, полагаю, ни для кого уже не секрет. – Полковник аккуратно поднял со стола блюдечко вместе с наполненной ароматным черным напитком чашечкой, двумя пальцами взял миниатюрную чашечку за крошечную ручку и осторожно пригубил кофе. – Великолепно! – провозгласил он и, дабы до конца выразить свой восторг, полуприкрыл глаза.

Лиза польщенно улыбнулась. Кофе она всегда готовила сама, и ей было приятно, что полковник Глант мог по достоинству оценить ее искусство.

– Майский предлагает начать разведку второго уровня Лабиринта. В связи с этим потребуются дополнительные меры безопасности?

– Не думаю. – Сделав глоток кофе, полковник усмехнулся какой-то своей мысли и качнул головой. – Мне вообще

кажется, что опасность, которую представляет собой Лабиринт, сильно преувеличена.

– Но в отчете Кийска сказано, что...

Гримаса, появившаяся на лице Гланта, заставила Лизу умолкнуть на полуслове, – левый угол рта полковника приподнялся вверх, а бровь заняла диагональное положение. Таким образом Глант без лишних слов продемонстрировал свое презрение к человеку, имя которого было только что упомянуто.

– Извини, что перебил тебя, Лиза, – со свойственной ему деликатностью произнес Глант, – но я тоже читал отчет Кийска, и, по моему мнению, в нем нет и десятой доли правды. К тому же, как известно, любое свидетельство, которое исходит только от одного человека, считается в высшей степени ненадежным.

Лиза слегка развела руками:

– К сожалению, других свидетелей активности Лабиринта у нас нет.

– В том-то и дело, – Глант многозначительно поднял указательный палец. – Нам приходится доверять показаниям одного-единственного человека, чья добросовестность лично у меня вызывает большие сомнения.

– Но то, что на РХ-183 погибла первая плановая экспедиция, а затем и отряд, посланный для инспекции колонии, основанной проповедником Кулом, так же как и сама колония, – это факт.

– В соответствии с официальными данными, первая экспедиция погибла в результате несчастного случая, когда корабль со специальной комиссией Совета безопасности, прибывший на РХ-183, при посадке врезался в лабораторный корпус станции. Ну а что касается случая с колонией религиозных фанатиков... – Полковник Глант сделал паузу, чтобы поднести к губам чашечку. – Как известно, последователи Кула практиковали человеческие жертвоприношения. Поэтому не исключено, что под угрозой ликвидации колонии они сначала убили всех членов инспекционного отряда, а затем, понимая, чем все это для них закончится, совершили коллективное самоубийство. Самым странным во всех этих историях мне представляется то, что как в первом, так и во втором случае единственным оставшимся в живых стал Кийск.

– В первом случае вместе с ним на Землю вернулся еще один участник экспедиции, – напомнила Лиза.

– Верно, – согласился Глант. – Только, как выяснилось в Совете безопасности, Борис Кивнов оказался не совсем человеком. Или, вернее, совсем не человеком. К тому же спустя какое-то время он бесследно исчез из строго охраняемого здания.

– Какое отношение к этому имеет Кийск? – пожала плечами Лиза. – Его в то время даже не было на Земле.

– Но тем не менее это именно он доставил на Землю существо неизвестного происхождения, внешность которого бы-

ла позаимствована у одного из погибших членов первой экспедиции на РХ-183. Все это представляется мне в высшей степени подозрительным.

– Но именно Совет безопасности настоял на том, чтобы Кийск был включен в состав нашей экспедиции. Значит, там ему доверяют.

– У Совета безопасности могли быть на это свои резоны, о которых мы даже не подозреваем. Лично я уверен в следующем... – Полковник Глант коснулся указательным пальцем золоченой пуговицы у себя на груди. – Единственным, что может представлять какую-то опасность на этой планете, является сам Кийск. Вполне вероятно, что как в первом, так и во втором случае Кийск тем или иным образом был причастен к гибели людей, вместе с которыми он высаживался на РХ-183. Я не утверждаю, что в том был злой умысел с его стороны. Вполне возможно, что к гибели людей привела обычная недобросовестность, проявленная Кийском. Он же постарался прикрыть себя, придумав историю о том, какую страшную угрозу представляет собой Лабиринт для каждого, кто высадится на РХ-183.

– Но почему? Кийск служил в галактической разведке, а туда не берут людей, которых пугает ответственность.

– Тебе известно, почему Кийск ушел из галактической разведки?

– Не ушел, а был уволен в запас, – поправила полковника Лиза. – Во время первой высадки на Калгоду Кийск попал в

ловушку синего слизня. Он чудом остался жив.

– Снова чудеса, – усмехнулся Глант. – Едкие выделения синего слизня уничтожили почти всю кожу на теле Кийска. Врачам удалось сохранить только его лицо. Все остальное тело Кийска покрыто синтетической кожей.

– Я видела личное дело Кийска, – Лиза сделала короткий жест рукой, желая показать, что не понимает, какое это имеет отношение к подозрениям Гланта.

– Врачи привели в порядок тело Кийска, но кто знает, в каком состоянии находится его психика после всего, что ему пришлось пережить?

– Медицинская комиссия признала Кийска годным для работы во внеземелье.

– Далеко не сразу. И не исключено, что решающую роль в том, что Кийску разрешили принять участие в первой экспедиции на РХ-183, сыграло заступничество его старых друзей из галактической разведки.

– Ты хочешь сказать, что Кийск не в своем уме?

– Я говорю только то, что знаю. Кийск пережил тяжелую психическую травму, и это могло отрицательно сказаться на его способности верно реагировать на те или иные события, – полковник развел руками, как фокусник, желающий показать, что в рукавах у него ничего не спрятано. – Согласись, Лиза, моя версия звучит куда правдоподобнее, чем те фантастические истории, которые рассказывает Кийск.

– Тогда, может быть, ты объяснишь мне и то, каким об-

разом Кийск дважды возвращался на Землю после того, как все уже считали его погибшим? – спросила Стайн.

– Не могу, – честно признался Глант. – Спроси лучше у Леру, – у него наверняка имеется какая-нибудь теория на сей счет.

– Леру, – губы Лизы тронула легкая улыбка. – Порой мне кажется, что у него имеются ответы на все вопросы, которыми испокон веков мучилось человечество. Вот только делиться своими знаниями с другими он почему-то не желает.

Поковник Глант в ответ тоже деликатно улыбнулся. К чудачествам Нестора Леру он относился несколько иначе, чем руководитель экспедиции. Полковник полагал, что даже гении обязаны соблюдать установленные для всех правила.

Допив традиционный утренний кофе, Глант поставил пустую чашечку на стол.

– Спасибо, Лиза, кофе был бесподобен.

– Не перегибай, Чейни, – Лиза игриво погрозила полковнику пальцем. – Сегодня ты уже один раз похвалил мой кофе. А когда похвала повторяется дважды, это уже становится похожим на лесть.

– Но кофе и в самом деле того стоит, – чуточку смущенно улыбнулся Глант.

Чтобы подвести итог разговору, Стайн задала обычный вопрос:

– Так, значит, ничего из ряда вон выходящего за сутки не произошло?

– Пожалуй, – ответил полковник. – Если, конечно, не считать флаг, – добавил он после небольшой паузы.

– Флаг? – удивленно приподняла тонкую бровь Лиза.

– Тебе никто не сказал о флаге?

Лиза отрицательно качнула головой.

Полковник Глант поднялся из кресла и подошел к большому круглому окну, забранному бронестеклом.

– Посмотри сама, – указал он на высокую мачту, отмечавшую местонахождение входа в Лабиринт. – На улице ни ветерка, а флаг на мачте выглядит так, словно растянут на неподвижном жестком каркасе.

– Похоже, он даже не шевелится, – удивленно произнесла Лиза, подойдя к окну.

– Точно, – кивнул Глант. – Вблизи это выглядит еще более странно.

– И что это может означать? – заглянула в глаза полковнику Стайн.

Глант быстро отвел взгляд в сторону. Ему всякий раз становилось не по себе, когда Лиза, находясь всего на расстоянии вытянутой руки, смотрела на него вот так, как сейчас. Ему был приятен легкий, ни к чему не обязывающий флирт, который сам собой, без каких-либо усилий с обеих сторон, завязался между ним и Лизой. Но при этом он не собирался переходить определенную для себя границу. Больше всего на свете полковник боялся выяснения отношений с женой, которая непременно, как только он вернется, начнет наводить

справки по всем доступным каналам о том, как вел себя ее благоверный, находясь вдали от дома. Не давать ни малейшего повода для подозрений – таково было строгое правило, которого неизменно придерживался полковник Глант в отношениях с супругой.

Сделав шаг в сторону, полковник взял со стола фуражку. – Полагаю, что ничего особенного, – сказал он, бросив беглый взгляд за окно, где на фоне серо-стального неба отчетливо был виден небольшой красный прямоугольник. – Метеорологи говорят что-то о направленных воздушных потоках в верхних слоях атмосферы... Признаться, я мало что в этом понимаю.

Чувствуя глупую неловкость, полковник Глант поспешил откланяться и покинуть кабинет руководителя экспедиции.

Стайн с насмешливой улыбкой посмотрела на захлопнувшуюся за поспешно ретировавшимся полковником дверь, после чего вернулась к своим обычным делам. Однако мысль о флаге, неподвижно замершем в воздухе, не давала ей сосредоточиться на работе. Открыв электронный блокнот, Ли-за сделала пометку, чтобы на вечернем собрании исследовательской группы не забыть выяснить у Майского причину странного состояния флага.

Глава 4

Начало

Первое, что сделал Кийск поутру, – сходил в лабораторный корпус, из окон которого хорошо просматривалась мачта с флагом. Красное полотнище, как и накануне, казалось растянутым и жестко закрепленным на каком-то невидимом каркасе. Было в этом что-то пугающе противоестественное.

Накануне вечером, явившись, как всегда, незванным на собрание исследовательской группы, Кийск попытался обратить внимание ученых и техников на сей странный факт. Но Майский был настолько увлечен каким-то новым своим проектом, что слышать не желал ни о чем другом. Махнув рукой в сторону старшего метеоролога, он объявил собрание закрытым и, подхватив под локоть Дугина, исчез, подобно джинну, исполнившему все предписанные правилами процедуры. Метеоролог же, у которого Кийск попытался выяснить причину странного поведения флага, долго мял пальцами плохо выбритый подбородок и что-то невнятно бурчал насчет направленных воздушных потоков и температурного перепада. Уяснив наконец, что метеоролог и сам не понимает, в чем там дело, но при этом отчаянно не желает брать на душу страшный грех некомпетентности, Кийск оставил бедолагу в покое.

Следующим шагом стала попытка обратить внимание на необычное явление ответственного за безопасность экспедиции. Для этого Кийску пришлось полтора часа просидеть в приемной полковника Гланта. Задержка, как не без оснований полагал Кийск, была вызвана вовсе не тем, что полковник безумно занят, а лишь тем, что таким образом Глант хотел в очередной раз продемонстрировать Кийску свое пренебрежительное отношение к навязанному Советом безопасности и совершенно никчемному, по мнению самого полковника, консультанту. Соизволив наконец принять Кийска, полковник Глант с пренебрежительной ухмылкой выслушал историю о странном поведении флага на мачте, после чего сказал, что уже обратил внимание на это явление, провел собственное расследование и получил квалифицированное заключение специалистов относительно природы данного феномена, который имеет естественный характер и никак не связан с Лабиринтом. Соображения Кийска по данному поводу Глант даже не пожелал выслушать. Язвительно усмехнувшись, он поблагодарил консультанта за проявленную бдительность, после чего попросту выставил его за дверь.

Последней инстанцией, куда можно было обратиться, оставался только руководитель экспедиции.

Связавшись по интеркому с мадам Стайн, Кийск услышал голос безмерно уставшей за долгий день женщины. И когда Стайн спросила, нельзя ли подождать с вопросом, который

он собирался с ней обсудить, до завтра, Кийск не смог ей возразить. В первую очередь потому, что ему, собственно, нечего было сказать. Кто-нибудь уже наверняка указал руководителю экспедиции на флаг, неподвижно замерший на верхушке мачты с неестественно растянутым полотнищем. А добавить к этому Кийск мог разве что только собственные опасения, абсолютно беспочвенные, с точки зрения человека, видевшего в Лабиринте всего лишь артефакт, оставленный исчезнувшей цивилизацией. Чего доброго, скоро вся экспедиция станет считать Кийска законченным параноиком, свихнувшимся на идее угрозы, исходящей от Лабиринта.

Но и утром флаг с развернутым полотнищем, внушающий Кийску необъяснимую тревогу, был на месте. Точно так же оказался на месте и приставленный к Кийску охранник. Сегодня это был уже не тот приветливый парень, с которым Кийск мило беседовал накануне, а верзила почти на голову выше Кийска, с широченными плечами, лошадиной челюстью, расплюсченным носом и маленькими глазками. В целом выражение лица сегодняшнего «спутника» Кийска можно было назвать туповатым. Таких исправных служак любят командиры за их исполнительность и непритязательность, но никто из них обычно не поднимается выше звания капрала.

В ответ на шутовское приветствие Кийска, которым он обычно встречал каждого нового своего охранника, десантник – на его бирке значилось имя «Гамлет Голомазов» – окинул Кийска тяжелым взглядом и противно скрипнул зубами.

Из этого Кийск сделал вывод, что Гамлета можно отнести к разряду самых надежных исполнителей командирских приказов, дебила, от которого невозможно будет укрыться даже в туалете.

Так оно и вышло. Гамлет следовал за Кийском, не отставая ни на шаг, куда бы тот ни пошел. При этом он даже не пытался как-то замаскировать свое присутствие.

Идя по коридору, Кийск то и дело неожиданно останавливался, надеясь, что Гамлет не успеет вовремя замедлить шаг и ткнется ему в спину. Но, как выяснилось, реакция у десантника было отменная, – Кийску так ни разу и не удалось его подловить.

– Что ты думаешь по этому поводу? – указав на мачту с неподвижно застывшим в воздухе флагом, спросил Кийск у своего охранника.

Вопрос был чисто риторический, поэтому Кийск оказался несказанно удивлен и даже в какой-то степени озадачен, когда десантник Голомазов раздвинул плотно сжатые губы и медленно низким, утробно звучащим голосом, похожим на звериный рык, произнес:

– Мне это не нравится.

– Ты знаешь, мне тоже, – проронил Кийск после паузы, которая потребовалась ему для того, чтобы прийти в себя.

За то время, что Кийск провел в обществе Гамлета, у него сложилось твердое убеждение, что приставленный к нему десантник не способен связать и пару слов, а в случае необхо-

димости объясняется междометиями и жестами.

– А почему не нравится? – спросил Кийск, на этот раз уже надеясь услышать ответ.

Но Гамлет вновь обманул его ожидания. Вместо того чтобы что-то сказать, он стиснул зубы и отвернулся в сторону: то ли решил, что тема разговора исчерпана, то ли уже перебрал отведенный на данный час лимит слов.

Подождав какое-то время и убедившись в том, что ответа не будет, Кийск неопределенно хмыкнул и еще раз глянул за окно на мачту с флагом. Ситуация оставалась неизменной в течение суток, и это позволяло надеяться, что она не повлечет за собой никаких необратимых последствий. Кто его знает, может быть, и в самом деле причиной всему являются воздушные потоки, как-то очень уж своеобразно распределяющиеся над каменной пустыней. Кийску очень хотелось в это верить, но неумный червячок сомнения без устали продолжал беречь душу.

Не допуская даже мысли, что Гамлет оставит его в одиночестве, но при этом и не предпринимая новых попыток вступить в контакт со своим соглядатаем, Кийск направился к переходу, ведущему в жилой корпус станции, где находилась столовая. Согласно расписанию, Кийск завтракал вместе с последней сменой, в которую входил главным образом свободный от работы и дежурства персонал станции.

Сопровождающий, как оказалось, тоже был не прочь подзаправить собственный машиноподобный организм. Глядя

на то, сколько тарелок ставит Гамлет на свой поднос, Кийск только диву давался: не перевелись, оказывается, еще на Земле потомки Гаргантюа.

Поставив поднос с едой на соседний свободный столик, Гамлет уселся напротив Кийска. Выбрав для начала мясной салат и шницель с картофельным пюре, он молча принялся за еду.

Казалось, человек с таким неумным аппетитом должен был жадно заглатывать пищу, забыв об условностях, именуемых правилами поведения за столом. Однако, к удивлению Кийска, Гамлет ел не спеша и чрезвычайно аккуратно, видимо, сполна получая удовольствие как от вкуса еды, так и от самого процесса ее поглощения. Вилку и нож он держал в руках легко и свободно, как хирург свои инструменты, и пользовался ими настолько умело, что ему могли бы позавидовать именитые артисты, исполняющие роли аристократов в костюмированных исторических фильмах.

Кийск не был гурманом, поэтому и завтрак его состоял всего из трех блюд – фруктовый салат, большая тарелка овсянки и стакан яблочного сока, – с которыми он быстро управился. Спешить было некуда, и Кийск решил не мешать Гамлету вкушать пищу. Отправив грязную посуду в приемник утилизатора, он вернулся на свое место, чтобы наблюдать за тем, как ловко расправляется с холодцом его персональный охранник.

На секунду оторвавшись от еды, Гамлет бросил на Кий-

ска быстрый взгляд исподлобья, в котором при изрядной доле желания можно было заметить нечто похожее на признательность.

И в тот самый момент, когда Кийск собирался ответить Гамлету улыбкой, станцию тряхнуло, да так, что тарелки со столов полетели на пол.

Гамлет машинально поймал тарелку, из которой ел, и осуждающе посмотрел на Кийска, как будто подозревал, что именно он повинен в том, что произошло. Кийск, чтобы не упасть, ухватился руками за край стола. Не двигаясь, он стоял на полусогнутых ногах, прислушиваясь к собственным ощущениям и пытаясь угадать, что произойдет в следующую секунду.

Повскакивали с мест находившиеся в столовой люди. Никто не понимал, что происходит, а потому никто и не спешил куда-то бежать – все ждали сообщения по станционному интеркому.

В обеденный зал вбежали двое испуганных поваров и что-то возбужденно закричали. Что именно они хотели сообщить остальным, никто понять не успел.

Второй толчок оказался значительно сильнее первого. Несколько столов опрокинулись. С треском разлетелись стекла в автоматах с холодными напитками и шоколадом. Одна из осветительных панелей, сорвавшись с крепежей, упала на стол, по счастью оказавшийся пустым, и взорвалась с сухим хлопком, рассыпав фонтан ослепительно белых

искр.

Почти никто из людей не смог удержаться на ногах. Кто-то с болью в голосе громко выругался. В дальнем конце зала пронзительно взвизгнула женщина.

«Началось», – подумал Кийск.

Во время третьего толчка пол не вздрогнул, а выгнулся дугой прямо по центру зала, и две широких волны разбежались в разные стороны, опрокидывая на своем пути столы, стулья и людей, которые успели подняться на ноги.

Упавший на четвереньки десантник был последним, что увидел Кийск перед тем, как погас верхний свет.

Кийск машинально повернулся к круглому окну, забранному бронестеклом.

С улицы в помещение просачивался тусклый красноватый свет.

С кухни потянуло чем-то горелым.

Под потолком завывала сирена. Кашлянул и что-то совершенно неразборчиво прохрипел интерком. Мигнув пару раз, разгорелись лампы аварийного освещения.

– Все оставайтесь на своих местах! – крикнул Кийск тем, кто находился в столовой. И на всякий случай, чтобы приказ прозвучал более убедительно, добавил: – Здесь сейчас безопаснее всего!

Никто и не собирался двигаться с места. Растерявшиеся, напуганные люди были рады тому, что хоть кто-то понимает смысл происходящего, и готовы были выполнить все его

указания.

Кийск рванулся к выходу, надеясь предотвратить то, что стало причиной гибели первой экспедиции. Если еще не поздно.

– Куда? – на пути Кийска, словно утес, вырос Гамлет Голомазов.

– Ты не видишь, что происходит? – возбужденно взмахнул рукой перед лицом солдата Кийск.

Не получив ответа, он попытался плечом отодвинуть десантника со своего пути, но Гамлет легко оттолкнул его назад. В руке парня появился пистолет.

– Сядь, – коротко приказал он.

– Да чтоб тебя!.. – в сердцах выругался Кийск.

Наклонившись, чтобы поднять валявшийся на полу стул, он неожиданно кинулся на своего охранника, пригнув голову так, словно намеревался боднуть его в живот.

Расстояние между ними было слишком коротким для того, чтобы десантник успел пустить в ход оружие. Перехватив в запястье руку солдата, сжимавшую пистолет, Кийск рывком поднял ее вверх.

Грохнул выстрел. Пуля разнесла вдребезги одну из отключенных осветительных панелей.

Большим пальцем Кийск надавил на болевую точку на запястье десантника, находящуюся между большим и указательным пальцами. Одновременно согнутым локтем другой руки он ударил Гамлета в солнечное сплетение и, продолжая

движение, нанес еще один удар в подбородок. Солдат качнулся из стороны в сторону, но на ногах устоял. В глазах его плыл туман, колени подгибались, но он все еще оставался преградой на пути Кийска. И тогда Кийск вполсилы ударил его ребром ладони по шее.

Солдат пошатнулся и начал медленно заваливаться набок, словно пьяный, все еще пытающийся найти точку опоры и сохранить горизонтальное положение.

Кийск помог Гамлету аккуратно усесться на пол, вынул из его онемевшей руки пистолет и побежал к выходу.

На бегу сунув пистолет за пояс под куртку, Кийск распахнул дверь столовой. В коридоре никого не было. Кийск побежал в направлении секции жилых помещений, прикинув, что так он быстрее доберется до перехода, ведущего к лабораторному корпусу. Ему нужно было как можно скорее добраться до пульта управления и связи, расположенного рядом с кабинетом руководителя экспедиции. Только оттуда можно было заблокировать одновременно все входы на станцию и перевести каждый корпус в режим автономного жизнеобеспечения на случай, если потребуется закрыть переходы между корпусами.

Но, не пробежав и двадцати шагов, Кийск остановился, словно налетел на незримую стену.

То, что он видел перед собой, было похоже на безумный морок. Или на бредовый сон. Жилой секции корпуса не было. На ее месте зияла огромная дыра, словно кто-то отхва-

тил половину корпуса огромным, остро заточенным топориком для разделки мяса. А по другую сторону дыры простиралась бескрайняя песчаная пустыня, ровная, как туго натянутая простыня. И без того невеселый пейзаж выглядел еще более мрачно из-за того, что ясный, солнечный день внезапно сменился багровым полумраком, окрашивающим все вокруг в кроваво-красные тона.

Кийск осторожно подошел к самому краю, к тому месту, где пол станции соприкасался с крупным красноватым песком пустыни. Он посмотрел на небо. Небо было похоже на огромный картонный купол, раскрашенный в различные тона и оттенки красных и темно-пурпурных цветов. Даже плотные облака на горизонте казались нарисованными. На небе не было ни солнца, ни луны, ни звезд. Все вокруг, включая небо, было каким-то ненастоящим, нереальным, похожим на декорацию для любительского спектакля.

Кийск провел рукой по ровному срезу на стене корпуса. Ощущение прикосновения к холодному, чуть шероховатому металлу было настолько живым, что не оставляло никаких сомнений в реальности происходящего.

Кийск потянул носом воздух. Чувствовался только едва различимый запах горелого, доносившийся, скорее всего, из столовой, и больше ничего. Вообще ничего: ни запахов, ни звуков, ни дуновения ветерка. Казалось, в этом багровом мире никогда ничего не происходило.

Кийск осторожно ступил на грунт. Едва слышно скрипнув

под каблуком, песок слегка просел. Но все же под ногой чувствовалась надежная опора.

Чтобы добраться до лабораторного корпуса, существовало два пути. Можно было вернуться назад и пройти через складской корпус. Но этот маршрут занял бы никак не меньше пятнадцати минут. Другой вариант – попытаться дойти до главных ворот лабораторного корпуса по песку. Такая дорога была значительно короче, но незнакомый мир внушал Кийску опасение. Как бывший разведчик, он неосознанно руководствовался одним из основных правил исследования чужих миров: никогда не покидать базы в одиночку.

Отойдя еще на пару шагов от срезанного края станции, Кийск увидел людей. Человек пять или шесть гражданских потерянно бродили среди песков.

– Эй! – взмахнул рукой Кийск.

Люди остановились и повернули головы в его сторону.

– Идите сюда! – снова махнул рукой Кийск.

Люди медленно двинулись к нему. Похоже было, что все находились в состоянии ступора, не понимая, где они очутились и что происходит вокруг.

Когда люди подошли ближе, Кийск увидел на лице одного из них большую кровоточащую ссадину. Еще один осторожно придерживал поврежденную руку, рукав которой был испачкан кровью.

– Идите в столовую, – Кийск указал рукой в конец полутемного коридора. – Там вам окажут помощь.

Люди все так же медленно двинулись по коридору в этом направлении.

Последнего Кийск поймал за руку.

– Вы больше никого не видели поблизости? – спросил он.

– О'Лири, – тихо произнес мужчина.

– Где он?

– Там, – мужчина глянул в ту сторону, откуда пришел.

– Нужно забрать и его, – сказал Кийск.

– Он мертв, – спокойным, безразличным голосом произнес мужчина.

– Все равно его нужно забрать.

Не выпуская руку мужчины, Кийск зашагал по песку туда, где должно было находиться мертвое тело.

Отойдя шагов на тридцать от полуразрушенной станции, Кийск остановился, прикусив в недоумении нижнюю губу. На этом месте цепочки следов, оставленные теми, кто только что вошел в коридор жилого корпуса, обрывались, хотя Кийск был уверен, что люди, когда он их окликнул, находились гораздо дальше.

Кийск осторожно ступил на ровную поверхность, присыпанную крупным песком.

Ничего не произошло. А когда он поднял ногу, на песке остался четкий отпечаток его ботинка.

– Где тело? – спросил Кийск у своего спутника.

– Там, – не очень-то уверенно указал направление мужчина.

Кийск прошел еще метров десять и, остановившись, посмотрел по сторонам. Он непременно должен был увидеть тело, если только оно не было зарыто в песок. Однако вокруг него расстилалась ровная песчаная пустыня, на поверхности которой не было заметно никаких следов, кроме тех, что оставил он сам.

– Ты точно видел мертвого? – спросил у своего спутника Кийск.

Тот уверенно кивнул.

Вокруг происходило что-то странное и жуткое.

– Идем, – Кийск подхватил своего спутника под руку и быстро зашагал в направлении станции.

Когда они подошли к обрезанному краю жилого корпуса, навстречу им из коридора выбежал Гамлет Голомазов.

Кийск выхватил из-за пояса пистолет.

Десантник остановился и, чуть приподняв, развел руки в стороны.

– Я все вижу, – глухо произнес он. – Я с тобой.

Секунду помедлив, Кийск поставил пистолет на предохранитель и кинул его Гамлету. Солдат быстро осмотрел оружие, щелкнул затвором, проверил обойму и сунул его в кобуру.

– Нам нужно добраться до лабораторного корпуса, – сказал Кийск.

Гамлет сделал приглашающий жест рукой – указывая путь.

Кийск еще раз внимательно посмотрел по сторонам и, не заметив ничего подозрительного, если не считать того, что сам окружающий пейзаж, выглядевший в высшей степени странно, не внушал ему доверия, зашагал по песку в обход оставшегося фрагмента жилого корпуса станции. Гамлет шел позади него, поотстав на пару шагов.

Пройдя шагов десять, Кийск обернулся.

– Дай нож, – попросил он у десантника.

Гамлет вопросительно приподнял левую бровь:

– Зачем?

– Мне нужно какое-то оружие, – объяснил Кийск.

Гамлет рукояткой вперед протянул Кийску пистолет.

– Это очень мило с твоей стороны, – улыбнулся Кийск. – Только боюсь, полковник Глант, как только увидит меня с пистолетом, потребует, чтобы я сдал табельное оружие. У меня сейчас нет ни малейшего желания объясняться с ним.

Гамлет снял с пояса ножны с ножом и кинул их Кийску.

– Как там в столовой? – спросил Кийск.

– Нормально, – коротко ответил Гамлет.

Кийск уже начал привыкать к той необычной манере, в которой вел беседу его спутник. Если Гамлет ограничился тем, что просто сказал «нормально», значит, к этому и в самом деле нечего добавить.

Обогнув жилой корпус, Кийск и Гамлет увидели серебристый купол лабораторного корпуса, целый и невредимый. По крайней мере, с той стороны, откуда они на него смотрели,

никаких повреждений заметно не было. Переход между корпусами также был цел. А вот казарменного корпуса, который прежде можно было видеть с этой точки, на месте не оказалось.

Пройдя по прямой расстояние между корпусами, Кийск и Гамлет подошли к центральным воротам лабораторного корпуса.

Ворота были заперты.

Глава 5

Разлом

– Я все больше уважаю эту женщину, – глянув на Гамлета, Кийск счел нужным добавить: – Я говорю о мадам Стайн.

Гамлет молча кивнул в ответ. Это могло означать как то, что он понял, кого имел в виду Кийск, так и то, что он согласен с его оценкой руководителя экспедиции. Впрочем, это могло означать одновременно и то, и другое. Кийск не стал уточнять. Он подошел к ячейке внешнего интеркома и нажал клавишу связи. В ответ из ячейки раздался душераздирающий скрежет и скрип, в котором не прослушивалось ни единого звука, хотя бы отдаленно напоминающего человеческий голос. Болезненно поморщившись, Кийск отшатнулся в сторону и еще раз ткнул пальцем в кнопку, чтобы отключить связь.

Не говоря ни слова, Гамлет подошел к большому круглому окну, расположенному слева от ворот, и трижды стукнул в бронестекло рукояткой пистолета. Затем, ладонями прикрыв глаза от света, заглянул в окно.

Чуть погодя Гамлет посмотрел на Кийска и совершенно неожиданно подмигнул:

– Порядок.

Едва он произнес это слово, как тяжелые створки ворот

начали расходиться в стороны. По тому, как створки двигались – медленно, короткими рывками, перемещаясь каждый раз не более чем на полсантиметра, – можно было догадаться, что ворота открывают вручную. Тому, как решил Кийск, могло быть две причины: либо из-за аварии на линии электропередачи отказал электромагнитный привод, либо мадам Стайн велела перейти на ручное управление воротами, что было вполне разумно, поскольку ручное управление давало возможность не распахивать их всякий раз, а лишь приоткрывать насколько требовалось.

Разойдясь сантиметров на семьдесят, створки ворот остановились. Из открывшегося проема выглянул десантник с маленькими, по-лиси хитрыми глазками.

– Двое? – спросил он, глядя на Голомазова.

Гамлет только едва заметно повел бровью.

К удивлению Кийска, этого оказалось достаточно для того, чтобы остроглазый десантник коротко кивнул, приглашая войти.

Стоявший по ту сторону ворот парень ухватился за рычаг ручного привода, едва только Кийск с Гамлетом переступили порог.

Всего в тамбуре находилось трое солдат, вооруженных трассерами.

– Заприте внутренние ворота, – распорядился Кийск, увидев, что вторые ворота тамбура, ведущие в корпус, распахнуты настежь. – И никогда не открывайте внешние, если внут-

ренные открыты.

Он даже не задержался, чтобы дать солдатам какие-то объяснения, как будто был уверен в том, что его указание будет незамедлительно выполнено, – сказал, прошел мимо и свернул в коридор, ведущий к командному отсеку.

Десантники проводили Кийска удивленными взглядами. Человек, пробежавший мимо них, на ходу отдавая приказания, только внешне был похож на Иво Кийска, которого они привыкли видеть сидящим на перевернутом ящике у ворот складского корпуса и меланхолично наблюдающим за солнцем, лениво ползущим по небосклону.

– Делайте что вам сказали! – бросив взгляд на своих сослуживцев, рыкнул Гамлет и побежал следом за Кийском.

Он догнал его уже возле кабинета руководителя экспедиции, у дверей которого стояли двое вооруженных десантников.

– Стойте! – поднял руку один из охранников.

– Мне к мадам Стайн, – сказал Кийск. – Срочно.

– Кабинет руководителя экспедиции является особо охраняемой зоной, – четко отчеканил охранник.

– С каких это пор? – поинтересовался Кийск.

– С момента аварии и до полного ее устранения, – ответил солдат.

– Ладно, довольно болтать...

Кийск шагнул к двери, но охранник преградил ему путь стволом трассера.

– Вы ищете неприятностей, господин Кийск?

– Пропусти его, Сид, – глухо прорычал за спиной Кийска Гамлет.

К вящему удивлению Кийска, слова его спутника возыме-ли действие. Солдат у двери медленно и как бы с неохотой отвел ствол трассера в сторону.

– Нам можно войти? – спросил, указав на дверь, Кийск.

Охранник ничего не ответил. Зато Гамлет подтолкнул Кийска в спину. Толчок оказался слишком сильным, и Кийску, чтобы не упасть, пришлось упереться руками в дверь. Дверь откатилась в сторону, и Кийск, чудом сохранив равновесие, ввалился в кабинет руководителя экспедиции.

Помимо Лизы Стайн, в кабинете находились еще четыре человека. С бригадиром группы механиков Газаровым Кийск был знаком. Остальных он знал только в лицо. Двое из них были в голубых форменных куртках исследовательской группы. У третьего вид был такой, словно он только что вскочил с постели, успев натянуть на себя то, что оказалось под рукой. Он был в тапочках на босу ногу, джинсовых шортах и белой майке без рукавов с огромным вырезом на груди. Волосы его были всклокочены, а взгляд метался по сторонам, словно заяц, угодивший в западню. Вдобавок он еще безостановочно крутил в нервно бегающих пальцах толстый черный маркер, который то и дело падал.

Все пятеро стояли вокруг большого горизонтального экрана, похожего на невысокий журнальный столик.

Приподняв голову, Стайн бросила быстрый взгляд на вошедших.

– Вы вовремя, Кийск, – сухо произнесла она. – Откуда вы?

– Из жилого корпуса, – ответил Кийск.

– И что там?

– От корпуса осталось меньше половины. Вся жилая секция исчезла. В столовой люди, человек пятнадцать. Среди них имеются раненые, кое-кто в состоянии шока. Их нужно срочно вывести оттуда.

– Займись этим, Эдди, – сказала Лиза одному из техников-исследователей.

Тот молча кивнул и вышел из кабинета.

– А это кто с вами? – взглядом указала на Гамлета Лиза.

– Мой личный охранник, – без тени улыбки ответил Кийск. – Зовут Гамлетом. Приставлен ко мне полковником Глантом... Я смотрю, он уже везде где только можно расставил охрану.

– Охрану выставила я, – ответила Стайн.

Кийск чуть приподнял бровь – ему показалось странным то, что полковник Глант решил передать свои властные полномочия кому-то другому, пусть даже руководителю экспедиции, – но от комментариев по этому поводу воздержался.

– Следует немедленно заблокировать все оставшиеся корпуса, – сказал Кийск, подходя к столу-экрану.

– Уже сделано, – кивнула Стайн.

– Солдатам на воротах, через которые мы вошли в корпус,

я уже сказал, что внешние ворота тамбура можно открывать только при закрытых внутренних. Нужно объяснить то же самое тем, кто охраняет другие ворота.

Стайн было достаточно лишь взглянуть на стоявшего у стола техника-исследователя, чтобы тот сам понял, что именно от него требуется, и кинулся выполнять приказание.

– Внутренняя связь полностью вышла из строя, – объяснил Кийску ситуацию Газаров. – Приходится использовать посыльных.

– Вы опасаетесь, что на станцию могут проникнуть чужие? – спросила у Кийска Стайн.

– Двойники, созданные Лабиринтом, – уточнил Кийск. – Поэтому всех людей нужно собрать в тех отсеках станции, куда невозможно проникнуть извне. А для того чтобы не возникла путаница, нужно ввести для своих систему опознавательных знаков.

– Какие еще опознавательные знаки? – непонимающе посмотрел на Кийска человек в майке и шортах.

– Да самые простые, – Кийск выдернул у него из пальцев маркер и быстро нарисовал на левом нагрудном кармане комбинезона Лизы Стайн большой черный крест. – Прими- тивно, но двойники почему-то не догадываются сделать то же самое, – сказал он и нарисовал точно такой же крест на кармане своей куртки.

Развернувшись, Кийск нарисовал крест и на кармане форменной куртки Гамлета. Затем пометил карман Газарова и

после некоторого колебания нарисовал крест на майке последнего из присутствующих.

Растрепанный мужчина недоумевающе посмотрел на крест, украсивший его грудь, обиженно шмыгнул носом и перевел взгляд на Кийска.

– В вашем отчете говорится, что для выявления двойников можно использовать довольно простой тест, – сказал он. – Вы утверждаете, что любые клетки тела двойника, в том числе и кровяные, вне организма распадаются за считанные минуты.

– Кийск, вы, должно быть, незнакомы с Нестором Леру? – Стайн взглядом указала на растрепанного мужчину в майке. – Он аналитик и специалист по информатике.

– Вообще-то я философ, – Леру слегка наклонил голову. – Меня пригласили принять участие в экспедиции, потому что я умею сопоставлять факты и делать, опираясь на них, парадоксальные выводы, которые никогда бы не пришли в голову никому другому.

– Да? – изобразил удивление Кийск. – И что же вы можете сказать по поводу происходящего?

– Ничего, – с невинным видом развел руками Леру. – При том мизерном количестве фактов, которыми я располагаю на данный момент, было бы в высшей степени безответственно делать какие-либо выводы. Но, возвращаясь к вашему отчету...

– Первое: как я понимаю, сейчас мы не имеем возможно-

сти делать анализ крови каждому, кто входит на станцию, — перебил философа Кийск. — Второе: встреча с двойниками может произойти и вне станции. Третье: не знаю, как вы, а я лично не имею ни малейшего представления, где мы сейчас находимся. Не исключено, что в этом мире действуют иные природные законы и наш тест на распад клеток крови ровным счетом ничего не даст.

— Логично, — наклонив голову, согласился с доводами Кийска Леру.

— У вас имеются какие-нибудь соображения по поводу того, что произошло? — обратилась к Кийску Стайн.

— С уверенностью могу сказать лишь одно: мы уже не на РХ-183, — ответил Кийск.

— Это мы уже заметили, — невесело изрек Газаров.

— Вы уверены, что произошедшее как-то связано с Лабиринтом? — задала новый вопрос Стайн.

— А у вас имеются какие-то иные соображения на этот счет? — с вызовом посмотрел на нее Кийск.

Стайн медленно провела ладонью по лбу. Тяжкий груз ответственности за экспедицию, за судьбы вверенных ей людей давил на плечи, словно каменный крест, который нужно было нести, несмотря ни на что. Лиза Стайн не знала, по силам ли ей этот груз, но не собиралась избавляться от него. Она не испытывала ни растерянности, ни страха. Напротив, она чувствовала, что воля ее сильна как никогда, и была уверена в том, что в сложившейся ситуации сможет сделать на своем

посту больше, чем кто-либо другой.

– Вот то, что осталось от станции, – сказала Стайн, указав на горизонтальный экран.

На экране был изображен план станции. Красным цветом были выделены отсутствующие фрагменты: казарма, большая часть жилого корпуса и та часть складского, в которой располагался военный транспортный терминал.

– Мы потеряли почти всю армию, – заметил Кийск.

– Да, – коротко кивнула Стайн. – Похоже, что при нас остались только те десантники, которые в момент катастрофы...

– Я бы предложил термин «разлом», – вставил Леру.

– Хорошо, – не стала возражать Стайн. – Пусть будет разлом. Так вот с нами осталось не больше десятка солдат, которые в момент разлома находились в лабораторном корпусе. Ну, – Лиза бросила быстрый взгляд на молча стоявшего за спиной Кийска Гамлета, – еще и ваш персональный охранник.

– И вот еще что. – Газаров ткнул пальцем в небольшой зеленый квадратик на экране, находящийся рядом с большим красным кругом, обозначающим исчезнувший казарменный корпус. – У нас остался арсенал.

– Арсенал нужно взять под охрану, – сказал Кийск.

– Уже сделано, – ответила Стайн.

– Сколько всего человек осталось на станции?

– Пока мы это еще не выяснили.

– Нужно выяснить, сколько людей у нас осталось и какими ресурсами мы обладаем.

– Не все сразу, Кийск, – тяжело вздохнула Стайн. – Люди растеряны и напуганы. Кому-то требуется медицинская помощь. К счастью, информации о серьезно пострадавших пока нет, но возможно, что нам о них просто неизвестно.

– Я встретил нескольких человек возле жилого корпуса, – сказал Кийск. – Они сообщили мне о погибшем. Некто по фамилии О'Лири.

Лиза Стайн подошла к компьютеру.

– Брайан О'Лири, – сказала она, просмотрев список персонала. – Младший медик.

– Странно, но мне не удалось найти его тело, хотя те, с кем я разговаривал, утверждали, что видели его.

– О чем это говорит? – спросил Леру.

– Пока только о том, что, если этот самый О'Лири вдруг объявится на станции, его следует немедленно задержать и изолировать.

Экран компьютера начал мигать. Изображение на нем сделалось нечетким, а затем и вовсе исчезло.

– Проклятие! – в сердцах стукнула ладонью по столу Стайн.

– У нас проблемы с энергоснабжением, – объяснил Кийску Газаров. – Основной энергогенератор станции выведен из строя. Пока нам удастся поддерживать в рабочем состоянии аварийную систему энергоснабжения, но ее хватает

только на частичное освещение и систему жизнеобеспечения станции.

– На складе имеются переносные автономные энергогенераторы.

– Верно, – кивнул Газаров. – Один из них работал на первой площадке Лабиринта. Но еще четыре остались на складе. Проблема в том, что складской корпус здорово трянуло и большинство складских боксов развалилось. Да и в тех, что устояли, найти что-либо почти невозможно. Автономные энергогенераторы находились рядом с гражданским транспортным терминалом. Поработав часа два, мы сможем их достать. Но вот для того, чтобы добраться до элементов питания, нужно разобрать весь завал. Даже если мы бросим на эту работу всех, кто у нас есть, это займет сутки, а то и больше.

– К тому же сейчас у нас много других неотложных дел, – добавила Стайн, вновь переходя к столу-экрану.

– Я полагаю, что вы уже проверили внешнюю связь? – спросил Кийск.

– И внешнюю, и дальнюю, и аварийный импульсный канал, – ответил на его вопрос Газаров. – Аппаратура в порядке, но на всех частотах молчание. Не слышно даже шума статических помех.

– Из чего я делаю заключение, что мы находимся не в нашей Вселенной, – вставил Леру.

– Не торопитесь с выводами, Нестор, – осадила философа

Стайн.

Леру с безразличным видом пожал плечами и отвернулся к окну.

– Как бы там ни было, нужно исходить из того, что помощь может прийти не скоро, – сказал Кийск.

– Если она вообще придет, – ни на кого не глядя, заметил Леру.

– В первую очередь нам следует подумать о безопасности станции, – продолжил Кийск. – Лабораторный корпус – единственный, оставшийся неповрежденным, поэтому сюда нужно перевести людей и перенести все самое необходимое. Большую часть лабораторных помещений придется переоборудовать под жилые комнаты.

– Нам могут понадобиться и лаборатории, – заметила Стайн. – Черт его знает, где мы оказались и с какими проблемами нам здесь предстоит столкнуться.

– Совершенно верно, – согласился Кийск. – Поэтому нужно, чтобы Майский обозначил лаборатории первостепенной важности, которые нельзя трогать ни при каких обстоятельствах. Остальные, я думаю, можно уплотнить.

– Майского до сих пор не удалось найти. Говорят, что он с самого утра, даже не позавтракав, взял вездеход и укатил к Лабиринту.

– Нужно найти ему замену.

– Ну с этим мы как-нибудь разберемся.

Кийск склонился над столом-экраном, оперевшись рука-

ми о его края.

– Без казарменного корпуса арсенал остался совершенно незащищенным. Думаю, следует перевести его в одно из помещений лабораторного корпуса.

– У нас имеется секция для изучения опасных образцов, – Стайн указала нужное место на плане. – Сейчас она пуста... Как вы полагаете, Кийск, не стоит ли раздать часть оружия людям?

– Думаю, в этом пока нет необходимости. Оружие должно находиться в руках тех, кто умеет с ним обращаться. На крышах складского и лабораторного корпусов расположены орудийные башни. Вы проверили орудийные расчеты?

Стайн и Газаров быстро переглянулись.

– Нет, – ответила Стайн.

– Гамлет, – Кийск посмотрел на молча стоявшего чуть в стороне от остальных десантника, – отправь охранников, которые стоят у дверей, проверить орудийные расчеты на крышах корпусов.

Солдат молча коснулся кончиками пальцев края берета и отправился выполнять приказание.

– А как же руководитель экспедиции? – посмотрел на Кийска Газаров. – Мы оставим мадам Стайн без охраны?

– Если мы не сумеем защитить станцию, то и в охране кабинета руководителя экспедиции не будет никакой необходимости, – ответила ему сама Стайн.

В кабинет вошел Гамлет Голомазов. В ответ на вопросы-

тельный взгляд Кийска он только коротко кивнул, давая понять, что приказ выполнен.

Кийск снова перевел взгляд на план станции.

– От жилого корпуса остались столовая и пара бытовых помещений. Но мы можем сохранить эту часть станции, если удастся перекрыть коридор, ведущий к тому месту, где прежде находились жилые секции, – Кийск пальцем провел на плане короткую черту.

– Я могу снять трех человек с разборки завала в складском корпусе и отправить их в жилой сектор, – сказал Газаров. – Ширина коридора метр семьдесят. Мы сможем закрыть его, сварив вместе пару металлопластиковых щитов, из которых сделаны стенки складских боксов.

– Сложнее со складским корпусом, – Кийск указал место на плане, где примерно треть складского корпуса была выкрашена в красный цвет. – Здесь открытое пространство. Ширина проема метров десять.

– Двенадцать, – уточнил Газаров.

– И высотой он метров в пять.

– В принципе, его тоже можно закрыть металлопластиковыми переборками. Но на это потребуется не один день – все придется делать вручную.

– Можно будет заняться этим после того, как мы хотя бы частично разгребем завал в складском корпусе. А пока следует перекрыть проем вездеходами и выставить охрану. Потребуется четверо десантников, вооруженных трассерами.

Развернувшись вместе с креслом спиной ко всем, Леру был занят созерцанием расстилающейся за окном пустыни, залитой красноватым светом. Казалось, ему было совершенно неинтересно то, что обсуждали Стайн, Газаров и Кийск. Поэтому, когда он подал голос, все трое умолкли и одновременно посмотрели на затылок философа, который только и был виден из-за спинки кресла.

– Пустыня, которую я вижу за окном, кажется совершенно безжизненной. От кого вы собираетесь защищать станцию, господин Кийск?

Кийск раздраженно скрипнул зубами.

– Должно быть, вы, как и полковник Глант, считаете, что я страдаю паранойей?

– Нет, – не оборачиваясь, Леру чуть приподнял руку, лежавшую на подлокотнике, и слегка качнул кистью из стороны в сторону. – Я просто хотел бы получить ответ на свой вопрос.

– А если я скажу, что у меня нет на него ответа?

– Чего вы злитесь, Кийск? – желая увидеть того, к кому он обращался, Леру лег грудью на подлокотник и вывернул шею. – Я ничего против вас не имею. Просто я пытаюсь получить необходимую мне информацию.

– Вся необходимая информация содержится в моем отчете, – ответил Кийск, с трудом сдерживая раздражение, которое вызывал у него странный тип в драной майке. – Я могу добавить к ней только то, что, имея дело с Лабиринтом, ни-

когда не знаешь, какой сюрприз он преподнесет. Такой ответ вас устраивает?

– Вполне, – кивнул Леру и снова отвернулся к окну.

– Я рада, что вы с нами, Кийск, – сказала Стайн, попытавшись улыбнуться.

Улыбка у нее не получилась. Но это, наверное, было и к лучшему – обошлось без фальши.

– У нас нет главы службы безопасности. Я бы хотела, Иво, чтобы ты взял это на себя.

Легко и изящно Стайн перешла в общении с Кийском на «ТЫ».

– А что с полковником Глантом? – спросил Кийск.

– В тот момент, когда произошел разлом, полковник Глант проводил служебное совещание в казарменном корпусе. У нас не осталось ни одного старшего офицера.

– У меня есть кандидатура на должность шефа службы безопасности. – Кийск посмотрел на стоявшего в стороне десантника. – Рядовой Гамлет Голомазов.

– Гамлет? – Голос Стайн звучал, как всегда, ровно, но в нем явственно прослушивались интонации, выражавшие сомнение. – Если я не ошибаюсь, за все время, что он здесь находится, ваш рядовой не произнес ни слова.

– Гамлет мало говорит, но зато, как я уже имел возможность убедиться, быстро соображает, – возразил на это Кийск. – Кроме того, он обладает еще одним совершенно необходимым для командира качеством. Он умеет убеждать.

– Не раскрывая рта? – спросил Леру.

– У каждого свои методы убеждения, господин философ.

– А что ты сам об этом думаешь, Гамлет? – обратилась к десантнику Стайн.

– Если это приказ, то я его выполню, – глухо пророкотал Голомазов.

– Ну что я вам говорил? – улыбнулся Кийск.

– Ну что ж, если ты уверен, что это правильный выбор, то я ничего не имею против, – с этими словами Лиза окинула десантника придирчивым взглядом. – Найдешь сержантские нашивки, Гамлет?

Десантник коротко кивнул.

– Будем считать, что в сложившейся ситуации я имею право присваивать воинские звания. Поздравляю вас с назначением на новую должность, сержант Голомазов.

– Понял, что нужно делать, сержант? – спросил у десантника Кийск.

Гамлет кивнул.

– Выполняй.

Отдав честь мадам Стайн, Гамлет направился к выходу.

– Постой, Гамлет, – Кийск взял со стола маркер и кинул его десантнику. – Пометь всех своих подчиненных.

Гамлет сунул маркер в нагрудный карман и вышел за дверь.

Стайн присела на угол стола.

– Как будто с основными делами разобрались? – спросила

она, обращаясь одновременно ко всем присутствующим.

– Смотря что вы относите к данной категории, мадам Стайн, – ответил ей Леру. – Мне, например, хотелось бы услышать какие-нибудь соображения по поводу того, как мы будем отсюда выбираться. Или мы собираемся основать здесь колонию и начать на новом месте новую жизнь?

– А я хотел бы знать, где сейчас находится другая половина станции, – сказал Газаров.

– Да где угодно! – фыркнул Леру. – Какое это имеет значение?

– Если другая половина станции вместе с людьми осталась на РХ-183, то они могут послать сигнал бедствия. И тогда нас начнут искать.

– Я бы не стал на это надеяться, – сказал Кийск.

Леру посмотрел на Кийска так, словно тот ляпнул нечто такое, чего философ никак не ожидал от него услышать.

Кийск удивленно приподнял бровь.

– Вы не согласны со мной, господин Леру?

– Напротив, господин Кийск, – медленно покачал головой философ. – На основе имеющихся у меня весьма скудных, следует признать, данных я пришел к точно такому же выводу, что и вы. Но, в отличие от вас, я не решался заявить об этом вслух.

Глава 6

Ради науки

Всякий раз, входя в Лабиринт, Майский испытывал странное, ни на что не похожее ощущение – то ли ожидание того, что должно произойти что-то необычное, то ли предчувствие близкой беды. Он боялся, что свет, бегущий по периметру прохода следом за человеком, может внезапно погаснуть, и потому неизменно цеплял на пояс фонарь, которым ему еще ни разу не пришлось воспользоваться. Он никогда не отправлялся в путешествие по Лабиринту в одиночестве, как нередко поступал, к примеру, тот же Дугин, и надеялся, что ему никогда не придется этого делать. Всякий раз, когда профессор собирался войти в Лабиринт, неизменно находилась вполне благовидный предлог для того, чтобы прихватить с собой спутника. Но самому себе Майский отдавал отчет в том, что в одиночку не смог бы отойти и на десять шагов от площадки, на которой располагались техники с оборудованием. Быть может, это были признаки скрытой клаустрофобии? Майский стыдился своей слабости и прилагал все усилия к тому, чтобы для остальных она оставалась тайной.

Но когда Дугин предложил ему спуститься в Лабиринт, Майский не смог отказаться. Страсть исследователя взяла в

нем верх над подсознательным страхом перед бездонными глубинами Лабиринта.

Вечером того дня, когда Дугин нашел в Лабиринте локус, они на пару засели в кабинете руководителя исследовательской группы. Через компьютер, имеющий выход на спутник, Дугин всего за полчаса наладил устойчивую связь с оставленным в локусе конектором. Но для того, чтобы войти в систему локуса, потребовалось значительно больше времени. Только ближе к полуночи по экрану поползла бесконечная полоса каких-то непонятных знаков и странных, абсолютно ни на что не похожих символов.

– Ты записываешь это? – срывающимся от возбуждения голосом спросил Майский.

– Поступающая на экран информация защищена от перезаписи, – отозвался Дугин.

Он сидел возле экрана, неотрывно следя взглядом за ползущей строкой, как будто надеялся на то, что на него вдруг снизойдет озарение и он сумеет отыскать смысл в бесконечной череде незнакомых символов. О том, чтобы сохранить бесценную информацию для других исследователей, Дугин, похоже, даже и не думал. Для него существовало только «здесь» и «сейчас». Он и Лабиринт. Только они вдвоем могли найти взаимопонимание, если подобное вообще было возможно.

Не тратя времени на дальнейшие разговоры с зачарованно наблюдающим за ползущей строкой Дугиным, Майский сам

сбегал в лабораторию биофизики и принес оттуда видеокамеру с объемом памяти на двадцать четыре часа. Переведя изображение с экрана Дугина на соседний экран, Майский установил перед ним видеокамеру и включил запись.

– Что собираешься делать? – спросил он у Дугина, когда дело было сделано.

– Пока не знаю, – рассеянно ответил тот.

– Какие программы дешифровки ты пробовал?

На время оторвав взгляд от экрана, Дугин через плечо посмотрел на Майского так, словно хотел убедиться в том, что у него на лбу нет шрамов, оставшихся после удачно проведенной лоботомии.

– Что? – недоумевающе поднял брови Майский.

– Это, – Дугин пальцем указал на экран, – порождение чуждого нам разума. Мы не имеем представления, как выглядели те, кто создал Лабиринт. Не говоря уж о том, что их способ мышления мог опираться на систему, которая, по нашим меркам, является сущим бредом. Я не берусь даже примерно определить, насколько они опередили нас в развитии. Когда наши предки еще висели на лианах, лениво протягивая лапу за бананом, они уже на собственном опыте убедились в том, что все есть суeta суeta, и решили уйти, оставив нам Лабиринт в качестве головоломки, которая, быть может, не даст нам сойти с ума от скуки. И ты полагаешь, что мы можем расшифровать извлеченную из локуса информацию с помощью примитивных программ дешифровки, созданных

людьми, чье ограниченное воображение не позволяет им заглянуть за рамки элементарной логики, которую они считают основой всех основ?

Майскому потребовалось какое-то время для того, чтобы осмыслить сказанное Дугиным.

– И что теперь? Просто сидеть и смотреть на ползущую по экрану строчку непонятных знаков? – спросил он, пока еще не понимая, как следует интерпретировать умозаключения коллеги.

С одной стороны, Дугин мог выдать столь длинную и замысловато закрученную тираду, поскольку и сам не имел ни малейшего представления о том, каким образом можно подойти к расшифровке полученной информации. Однако, с другой стороны, у него могли иметься какие-то идеи. Или хотя бы предчувствие того, что разгадка где-то близко, что в данной ситуации тоже было весьма неплохо.

– Теперь мы, по крайней мере, знаем, что можем извлекать из локуса информацию, – Дугин весело подмигнул шефу. – Мы нашли текст на неизвестном нам языке. Теперь нам остается только отыскать свой розетский камень.

– Это может оказаться не смысловым письмом, а набором символов, задающих программу локусу, – заметил Майский.

– Не имеет значения, – слегка поморщился Дугин. – Главная проблема заключается в том, что перед нами не послание, адресованное неизвестными создателями Лабиринта тем, кто его обнаружит, а совершенно случайный информа-

ционный фрагмент. Тот, кто записывал его, не стремился облегчить задачу тем, кому придется заниматься расшифровкой. Следовательно, не найдя соответствующего пароля, мы можем годами, без какой-либо надежды на успех, биться над расшифровкой бегущей строки, которую ты столь педантично фиксируешь с помощью видеокамеры.

– И как ты собираешься искать этот пароль? – Задав вопрос, Майский замер в напряженном ожидании.

Если им с Дугиным удастся расшифровать информацию, полученную из локуса, то это станет вершиной карьеры для каждого из них. Информация, хранящаяся в локусах Лабиринта, следует полагать, безгранична. В ней могли содержаться ответы на все вопросы, над решением которых безуспешно бились люди на протяжении всей своей истории. И если все это удастся прочесть... Впрочем, загадывать пока еще рано. Работа была только в самом начале.

– Очень просто, – Дугин коснулся пальцем светоячейки, и изображение с экрана тотчас же исчезло.

– Стой! – едва ли не с ужасом воскликнул Майский. – Что ты делаешь!

– Отключил конектор от порта, к которому ему удалось присоединиться, – с невозмутимостью слона, наступившего на лягушку, ответил Дугин.

– Какого черта! – протестуя взмахнул рукой Майский. – Верни все на место! Ты понимаешь, что, имея на руках одну только запись этой ползущей строки, которую

никто не в силах прочитать, мы можем без труда получить финансирование на дальнейшие исследования Лабиринта от любой правительственной организации, включая Совет безопасности!

– Антон, – с укором посмотрел на Майского Дугин, – ты кто: исследователь, готовый положить живот на алтарь науки, или бездушный торгаш, продающий свои знания и опыт по сходной цене?

– А как ты собираешься продолжать исследования, не имея финансирования, умник?! – тут же вспыхнул Майский. – Работа на неколонизированной планете – это тебе не поход в близлежащий лесок с рюкзаком за спиной! Одна станция чего стоит! Не говоря уж о научном оборудовании и доставке его на место!

Дугин сделал успокаивающий жест рукой.

– Проблема Лабиринта занимает меня в не меньшей степени, чем тебя. И я вовсе не собираюсь отказываться от финансирования. Просто я не имею привычки размениваться по мелочам.

– Чертям тебя на закуску, Дугин!..

Чуть повысив голос, Дугин без труда перекрыл поток брани, который уже готов был на него излиться.

– Антон, мне нужен результат, который поставит мое имя на первые страницы всех учебников, посвященных теме внеземных цивилизаций! – Дугин ткнул указательным пальцем в стол так, словно это была страница того самого учебника,

о котором он говорил. — Это я нашел локус...

— По чистой случайности, — ввернул Майский.

— Нет, — улыбнувшись, Дугин покачал перед носом Майского указательным пальцем. — Я нашел его, потому что хотел найти. И это я, а не кто-нибудь другой догадался оставить там свой конектор. И поверь уж мне, Антон, я не отдам эту работу никому. Это — мое. Понимаешь? Это то, чего я ждал всю жизнь. Посуди сам, что мы получим, если передадим в Совет безопасности запись, которую ты сделал с экрана? Ну да, нас, конечно же, поблагодарят за работу. После чего отдадут запись тем, кто, по мнению эсбэшников, способен ее расшифровать. Мы с тобой, Антон, для этой работы не годимся. То, что зависело от нас, мы уже сделали и теперь должны тихонечно отойти в сторону.

Столь вдохновенная речь не могла оставить Майского равнодушным. Все, о чем говорил Дугин, в равной степени относилось к ним обоим. То, что им удалось проникнуть в локус, можно было считать везением или даже простой случайностью. Но это был тот самый шанс, который дается человеку только раз в жизни. И не воспользоваться им было бы просто глупо.

Майский быстро провел кончиками пальцев по левой щеке. Затем, миновав подбородок, он так же быстро провел ногтями по правой щеке.

— Что ты предлагаешь? — спросил он, глянув на Дугина исподлобья.

– Я думаю, локус должен содержать в своей сети, помимо всего прочего, какую-то видеоинформацию. И если перенастроить конектор соответствующим образом, то мы сможем вытянуть ее из локуса. Сопоставив видеоряд с соответствующими символами, мы, возможно, сумеем найти ключ к пониманию языка создателей Лабиринта.

Майский снова огладил щеки рукой. Дугин был прав, это уже стало бы серьезной заявкой на продолжение исследований. Никто не посмел бы отстранить от работы тех, кто не только получил некую информацию из Лабиринта, но и перевел ее на общедоступный язык.

– Для того чтобы получить картинку, нужно иметь систему для перевода информационных кодов в цифровое изображение, – заметил Майский.

– Вот это уже как раз дело техники, – усмехнулся Дугин. – Главное – отыскать в локусе записи видеоряда. А для перевода кодов в изображение сгодится любая программа с автоматической подстройкой.

Майский недоверчиво прищурился. Ему и самому нередко приходилось работать с цифровыми видеопрограммами, и то, на что они способны, ему было известно не хуже, чем Дугину.

– Ну хорошо, – вынужден был согласиться Дугин. – С этим придется поработать. И все же я полагаю, что воспроизвести видеоряд нам удастся куда быстрее, чем расшифровать язык чужаков, не зная даже, от чего при этом следует

отталкиваться.

– Согласен, – подумав, кивнул Майский.

Дугин улыбнулся счастливо, как ребенок, и тут же, забыв о шефе, погрузился в работу. Пальцы его порхали над клавиатурой, лишь изредка касаясь светоячеек, а взгляд время от времени возносился к экрану, чтобы проверить вводимые данные.

Майский наблюдал за работой Дугина, стоя у него за спиной. Временами он даже пытался давать полезные советы, но Дугин только нервно дергал головой, словно отгоняя звенящего над ухом комара. Сообразив наконец, что его присутствие только мешает Дугину работать, Майский отошел к соседнему столу и опустился в кресло, перебросив левую ногу через подлокотник.

К четырем часам утра ситуация не изменилась. Дугин по-прежнему колдовал над клавиатурой, а Майский со стороны наблюдал за его действиями, стараясь зевать не очень заметно.

Еще через полчаса Майский отправился спать, оставив Дугина в своем кабинете наедине с компьютером.

Майскому показалось, что он едва успел сомкнуть глаза, когда его разбудил омерзительный высокочастотный писк экстренного вызова.

Он с трудом дотянулся до клавиши висевшего в изголовье кровати интеркома.

– Слушаю, – просипел он, все еще лежа в кровати с за-

крытыми глазами.

– Поднимайся, лежебока! – жизнерадостно ответил ему Дугин, который в эту ночь, похоже, вообще не ложился.

Майский приоткрыл глаза и посмотрел на встроенные в интерком часы. Без четверти семь. Для того чтобы он поднялся в такую рань, должно было произойти действительно нечто экстраординарное.

– Что случилось? – лениво спросил он.

– Мы отправляемся в Лабиринт, – ответил Дугин.

– Кто это «мы»?

– Ты и я.

Майский снова с тоской посмотрел на часы.

– А подождать это никак не может?

– Как хочешь, – ответил Дугин. – Если через пятнадцать минут тебя не будет в транспортном терминале, я уезжаю один.

И все. Никаких объяснений. Только короткие гудки отбоя.

Прихлопнув ладонью клавишу интеркома, Майский обреченно вздохнул и начал подниматься.

Он даже не стал умываться, но все равно минут на пять опоздал к назначенному Дугиным сроку. Но Дугин все еще ждал его, видимо, был уверен в том, что шеф непременно явится.

Усадив Майского на пассажирское место вездехода, Дугин сунул ему в руки два больших пластиковых стакана с го-

рячим кофе и бумажный пакет с сэндвичами, а сам запрыгнул на место водителя.

– Открывай! – махнул он рукой дежурившему на воротах солдату и, как только створки ворот разошлись в стороны, кинул машину в образовавшийся проход.

Да так, что Майского вдавило в жесткую спинку сиденья. А когда вездеход начало подбрасывать на камнях, он едва не бросил то, что сунул ему в руки Дугин, чтобы ухватиться обеими руками за борт машины.

– Куда так гонишь? – крикнул он Дугину.

Дугин только посмотрел на него хитро, подмигнул и взял из руки шефа стакан кофе. Сделав глоток, он зажал стакан между коленями и вытянул из пакета, который держал Майский, приправленный белым соусом сэндвич с ветчиной, салатом и яйцом.

– Мне удалось нащупать видеопрограмму локуса, – наконец-то проронил он, прожевав откушенную зараз половину сэндвича.

«Не может быть!» – хотел воскликнуть Майский, но ему удалось сдержать себя. И все же в такую удачу верилось с трудом.

– Почему ты не показал мне то, что получилось? – накинулся он на Дугина спустя мгновение. – Какого черта мы едем к Лабиринту?! Я хочу увидеть то, что ты нашел!..

– Остынь, – с усмешкой глянул на него Дугин. – Смотри, кофе на себя пролил.

На правой штанине Майского действительно расплывалось большое коричневое пятно.

Майский залпом допил остававшийся в стакане кофе и выбросил пустой стакан за борт.

– Ну?! – только и смог произнести он, пытаясь при этом прожечь Дугина гневным взглядом.

– Я нашел видеопрограмму локуса, но мне не удалось получить изображение, – наконец-то объяснил Дугин. – Оперативной памяти конектора не хватает для того, чтобы обработать и переслать информацию. Для продолжения работы нам нужно установить в локусе дополнительное оборудование.

Дугин похлопал ладонью по крышке пластикового кейса, лежавшего на заднем сиденье.

– Только один вопрос, – Майский направил на Дугина указательный палец так, словно это был ствол пистолета. – Если ты не видел изображения, почему ты уверен, что тебе удалось обнаружить видеопрограмму локуса?

Дугин сунул руку в пакет, который Майский поставил на колени, и достал из него еще один сандвич.

– Все очень просто, – ответил он, закончив жевать. – Я, можно сказать, сам немного поработал на месте.

– Как это сам? – непонимающе посмотрел на Дугина Майский.

– Я загрузил в конектор своего виртуального двойника.

– Что? – Глаза Майского сделались почти квадратными.

– Я загрузил в конектор своего виртуального двойника, –

как ни в чем не бывало повторил Дугин.

– Ты хочешь сказать, что никогда не слышал о том, что виртуальное копирование личности запрещено законом?!

– Я в курсе, – не глядя на шефа, кивнул Дугин. – Но в свое время я сделал это и с тех пор постоянно держу при себе матрицу со своей виртуальной копией.

– Зачем? – с тоской в голосе произнес Майский. – Зачем ты это сделал?

– Сам не знаю, – пожал плечами Дугин. – Наверное, мне просто интересно было почувствовать себя единым в двух лицах. Что-то вроде божественной двойки, так ведь, Антон?

Майский ничего не ответил, только цокнул языком и безнадежно покачал головой.

– Но ведь пригодилось же, – быстро, ища если не поддержки, то хотя бы понимания, глянул на шефа Дугин. – Если бы у меня не было виртуальной копии личности, то мы бы еще лет десять ковырялись с тем материалом, что у нас имеется. А так я, можно сказать, лично изучил обстановку на месте. Я подключился к нескольким портам локуса и в конце концов обнаружил тот, через который идет видеоинформация.

– Как ты это определил? – поинтересовался Майский.

– Не знаю, – покачал головой Дугин. – Просто почувствовал вдруг, что это именно то, что нам нужно... Ты знаешь, Антон, это довольно странное ощущение, когда чувствуешь себя человеком и одновременно знаешь, что ты всего лишь программа.

– Твой виртуальный двойник знает, что он программа?

– Нет, он уверен, что он человек. Это я во время контакта знал, что он всего лишь мой виртуальный двойник. Он же, похоже, считал копией меня. А я не стал его в этом разубеждать. Так мне было проще работать. Короче, нам на пару удалось не только определить порт, через который можно скачать содержащуюся в локусе видеоинформацию, но и найти кратчайший путь к нему. – Дугин вновь бросил быстрый взгляд на Майского. – Я думал, тебе будет обидно, если не ты первым увидишь то, что станет величайшей сенсацией со времен первого контакта с представителями иной цивилизации.

Тут Дугин попал в точку. Майский ни за что не простил бы ему, если бы он отправился в локус один.

Заглянув в лежавший на коленях пакет и обнаружив там оставшийся сандвич, Майский достал его и принялся меланхолично жевать. Подумав немного, он пришел к выводу, что можно не считать преступлением то, что сотворил Дугин, поскольку сделано это было не из корыстных побуждений, а ради торжества науки.

Глава 7

Видеодром

– Мы не сбились с пути? – в пятый или шестой раз поинтересовался Майский.

При этом вид у профессора был настолько безразличный, что за ним легко угадывалась поза.

Дугин усмехнулся про себя. В исследовательской группе почти каждый знал о том иррациональном страхе, который внушал Майскому Лабиринт.

Дабы успокоить шефа, а заодно и самому убедиться в том, что все идет как надо, Дугин оттянул манжет и взглянул на дисплей конектора, закрепленный на запястье левой руки. Связь работала отлично. Конектор, находившийся в локусе, передавал четкую картинку. На дисплее была ясно видна тонкая, словно паутинка, но зато непрерывная на всем своем протяжении красная путеводная нить, соединяющая вход в Лабиринт с колодцем, ведущим на второй уровень. Местоположение приемного конектора обозначалось на плане крошечной светящейся точкой, судя по ней, половина пути была уже пройдена. Передающий конектор, отслеживающий пространственные изменения внутренней структуры Лабиринта, по мере необходимости вносил изменения в маршрут, обращая при этом особое внимание на то, чтобы путь не стано-

вился длиннее. Имея точную карту, нужно было приложить максимум усилий для того, чтобы заблудиться.

Не останавливаясь, Дугин поправил ляжку, фиксирующую на спине плоский пластиковый кейс с компьютерным оборудованием, которое он собирался установить в локусе.

– А что, если ответная реакция Лабиринта окажется не такой, как мы ожидаем? – спросил Майский.

– Разве мы чего-то ожидаем? – насмешливо глянул на него Дугин.

– Если мы считаем Лабиринт автономной информационно-логической системой, чей уровень сложности мы пока не можем определить и задачи которой нам до сих пор неясны...

– Неизвестны, – поправил Дугин. – Неясны – это значит, что мы что-то не до конца понимаем. В случае с Лабиринтом мы не понимаем вообще ничего.

– Как бы там ни было, – не стал настаивать на своей формулировке Майский, – создатели Лабиринта должны были предусмотреть возможность проникновения в систему инородных программ извне. Следовательно, все внешние периферийные устройства Лабиринта должны иметь надежную многоступенчатую защиту.

– Согласно отчету Кийска, Лабиринт принялся за уничтожение первой экспедиции после того, как кто-то из ее участников забрался в локус и уселся на черный куб, который, как нам теперь известно, является своеобразной панелью интер-

фейса. Как ты думаешь, какую информацию мог вытянуть локус из этого зада?

Майский непонимающе пожал плечами.

– Да какую угодно, – ответил Дугин на свой же вопрос. – Он получил информацию о численном составе экспедиции, о внешнем виде каждого из ее участников, узнал о том, что система безопасности станции отключена. И самое главное – Лабиринт был поставлен в известность, что сюда летит корабль со специальной комиссией Совета безопасности, которая намерена приняться за него всерьез. Скорее всего, именно это и не устраивало Лабиринт – он мог интерпретировать проявленный к нему интерес как потенциальную агрессию. И он устранил опасность простейшим доступным ему способом – уничтожил экспедицию еще до прибытия корабля. Мы же имеем возможность контролировать ту информацию, которую станем скормливать Лабиринту.

– Ты намерен вступить с Лабиринтом в диалог? – с недоумением взглянул на своего спутника Майский.

– Само собой, – ничтоже сумняшеся, ответил тот. – Если мы станем просто скачивать информацию из сети локуса, это будет не более чем банальное воровство. Я же собираюсь наладить взаимовыгодный обмен.

– С кем? – не понял Майский.

– С Лабиринтом, конечно. Если создатели Лабиринта нам недоступны, то мы можем попытаться наладить контакт с их творением, которому они, скорее всего, передали на хране-

ние все то, чем сами когда-то владели. — Дугин чуть ускорил шаг, стараясь заглянуть в лицо шагавшему рядом с ним Майскому. — Ты понимаешь это, Антон? Контакт! Первый контакт! Первый контакт в истории человечества с цивилизацией, безмерно обогнавшей нас в своем развитии! С цивилизацией, которая смогла создать такое грандиозное сооружение! Это же... — Дугин дважды щелкнул пальцами, пытаясь найти нужное сравнение. — Это все равно что притронуться к тому, чего никогда прежде не касалась рука человека... Наверное, со времен Колумба, ступившего на берег Сан-Сальвадора, никто не испытывал ничего подобного.

В отличие от своего коллеги, Майский был чужд романтике. От близости неведомого у него не перехватывало дух и сердце не начинало биться учащенно. Для него Лабиринт был интереснейшим, уникальным объектом исследований, счастье поработать с которым выпадает на долю далеко не каждого ученого. Но отнюдь не равноправным партнером, как представлялось Дугину.

— Надеюсь, вы в своем диалоге пока еще не слишком далеко зашли? — голос у Майского был словно у строгого папаша, узнавшего, что сын его тайком бежит на свидания.

— Нет, — покачал головой Дугин. — Мы, если можно так выразиться, только представились друг другу.

— Как это понимать?

— Я уже говорил тебе, что переслал в информационную систему Лабиринта своего виртуального двойника.

– Ты сказал, что поместил виртуального двойника в оперативную память конектора, – напомнил Майский.

– Какая разница! – недовольно поморщился Дугин.

– Разница огромная! – возмущенно взмахнул руками Майский. – Ты не только нарушил известный даже младенцам запрет на копирование личности, но еще и переслал своего виртуального двойника в информационную сеть машины, созданной чуждой нам цивилизацией, в сеть машины, о назначении которой мы не имеем ни малейшего представления! Ты полагаешь, это была хорошая идея?

– А как иначе я мог найти то, что нам нужно? – с видом оскорбленной добродетели развел руками Дугин. – Если бы ученые следовали всем запретам, которые налагают на их работу государственные и церковные чиновники, то мы бы до сих пор ели мясо, зажаренное на костре. Ты любишь мясо с кровью, Антон?

Доводы, которые он привел, само собой, были подготовлены заранее. Как и рассчитывал Дугин, Майскому оказалось непросто с ходу найти весомые контраргументы. Он только что-то невнятно буркнул в ответ. Тем более что в целом он был согласен с Дугиным. Но, как ответственный руководитель, не имел права поощрять противоправные действия своего подчиненного. Даже ради торжества науки.

– И как же прошло знакомство? – спросил спустя какое-то время Майский.

– Как в добрые старые времена, – усмехнулся Дугин, –

когда познакомились люди, принадлежавшие к разным сословиям. Я красиво расшаркался, поклонился и назвал себя. А Лабиринт сделал вид, что не заметил моего присутствия.

– То есть? – не понял Майский.

– То есть на все мои попытки наладить контакт не последовало никакой ответной реакции. Естественно, я не стал стучать кулаком по столу и бить посуду, пытаясь обратить на себя внимание. Я вел себя в высшей степени деликатно и осторожно, стараясь, чтобы у хозяев не сложилось обо мне превратного мнения.

– Значит, контакта пока не было, – сделал вывод Майский.

– Я бы не стал считать полноценным односторонний контакт, – согласился Дугин. – Но тем не менее я уверен, что Лабиринт только сделал вид, что не заметил появления моего виртуального двойника. На самом деле он внимательно наблюдает за ним, изучает и оценивает ситуацию.

– Почему ты так считаешь?

– Потому что едва я дал хозяину понять, что хотел бы получить доступ к видеоинформации, как тотчас же нашел соответствующий порт. Не думаю, что это можно назвать простой случайностью. Когда я попытался скачать обнаруженную видеоинформацию в память стационарного компьютера, у меня ничего не вышло. Канал связи оказался перекрытым. И я подозреваю, что сделал это не кто иной, как сам Лабиринт. Или какая-то его система, отвечающая, так сказать, за связь с общественностью. Таким образом, Лабиринт предо-

ставил мне возможность ознакомиться с теми данными, которыми он располагает, но не позволил распоряжаться ими по собственному усмотрению. Должно быть, он желает, чтобы вся наша деятельность протекала под его контролем.

– Ты же сказал, что технические возможности конектора не позволили перегнать видеоряд на наш компьютер.

– Я солгал, – с невинностью, граничащей с откровенным хамством, признался Дугин.

Майский едва не задохнулся от гнева. Лицо его побагровело, губы, напротив, сделались почти белыми, а глаза едва не вылезли из орбит. Он не заорал во всю мощь своих голосовых связок только потому, что знал: ругать Дугина – все равно что пытаться высечь море.

– Так. – Майский остановился.

Дугин по инерции сделал еще пару шагов вперед. Обернувшись, он узрел направленный в его сторону обличающий перст.

– Мы возвращаемся!

– Да мы уже почти пришли. – Дугин взглянул на дисплей конектора: – До колодца метров сто, не больше.

Нацеленный на Дугина палец быстро забегал вверх-вниз.

– Никаких колодцев! Мы возвращаемся! Прямо сейчас! Немедленно!

– Не глупи, Антон, – недовольно поморщился Дугин. – Мы только установим в локусе усилитель сигналов да пару преобразователей. Это займет от силы полчаса.

– Поступай как знаешь, а я возвращаюсь. – Майский решительно переключил висевшую на поясе катушку в режим сматывания троса. – Но имей в виду, вернувшись на станцию, я немедленно доложу Стайн о твоих самовольных действиях!

– Послушай, Антон...

– И слушать ничего не желаю!

Майский возмущенно взмахнул рукой, едва не зацепив ею потолок прохода, и, чтобы не видеть больше умоляющего взгляда Дугина, повернулся к нему спиной.

И замер в полнейшем недоумении.

– Что за черт... – едва слышно прошептали его губы.

В глубине прохода разливалось тусклое свечение. Оно было несколько слабее того, что обычно сопровождало идущего по проходу человека, но при этом занимало куда большее пространство. Казалось, оно уходило в глубь коридора не менее чем на сотню метров. И это при том, что не так далеко находилась развилка, которую Майский с Дугиным прошли пару минут назад.

– Сергей... – странно звучащим голосом произнес Майский. При этом он смотрел не на Дугина, а на свет в глубине прохода. – Ты можешь объяснить мне, что это значит?

– Нет, – честно признался Дугин. И тут же сделал предложение в своем обычном стиле: – Предлагаю сходить и посмотреть, что это такое. Тем более, если ты хочешь вернуться, тебе как раз в ту сторону.

– Спасибо, я знаю, – желчно поблагодарил Майский. Но с места не сдвинулся.

– Ну так что? – спросил Дугин, выждав пару минут, на протяжении которых не произошло ничего нового. – Так и будем стоять?

– А что ты предлагаешь? – теперь в голосе Майского звучала откровенная ненависть.

Дугин был виновен в том, что втравил его в эту историю, и Майский не собирался его щадить.

– Нужно что-то решить, – ответил Дугин. – Либо мы продолжаем идти вперед, в направлении локуса, либо возвращаемся назад, чтобы посмотреть, что это там светится.

– У тебя есть оружие? – задал совершенно неожиданный вопрос Майский.

– Откуда? – искренне удивился Дугин. – Научному персоналу оружие не положено. Нас охраняют профессионалы во главе с бравым полковником Глантом.

– В таком случае свяжись с первой площадкой и скажи, чтобы они прислали к нам двоих... нет, лучше четверых десантников.

– На первой площадке их всего трое, – напомнил Дугин.

– Значит, пусть присылают всех, кто есть! – рявкнул Майский.

Не вступая в дальнейшие дебаты, Дугин поднял руку, оттянул рукав и дважды нажал на боковую кнопку конектора, переключая его в режим связи. Но прежде чем сделать вы-

зов, он все же рискнул предложить еще раз:

– Может быть, сначала сами посмотрим, что там? – он взглядом указал в глубину прохода. – Это может оказаться опасным.

– Опасным? – развернувшись, Майский с ненавистью глянул на Дугина. – Это действительно может оказаться опасным! Поэтому я и вызываю солдат! Это они находятся здесь для того, чтобы рисковать своей жизнью! А я должен просто руководить научной работой! Понятно тебе это?!

На последней фразе голос Майского сорвался на фальцет, и только по этой причине он временно умолк.

Не дожидаясь продолжения, Дугин сделал короткий успокаивающий жест рукой – мол, я все понял – и без промедления набрал код вызова.

Спустя несколько секунд он нажал кнопку повторного вызова.

Потом еще раз.

Подождав какое-то время, он посмотрел на Майского ясным взглядом невинного младенца, не подозревающего о том, что пачкать пеленки нехорошо.

– Связи нет.

Майский, вне себя от ярости, едва не выпрыгнул из ботинок.

– Что значит «нет»?! – заорал он так, что голос его, отражаясь от стен, гулким эхом пошел гулять по проходам Лабиринта. – Объясни мне, как это следует понимать?!

– Это следует понимать так, что я не могу связаться ни с площадкой у входа в Лабиринт, ни со станцией, ни с кем-либо другим, у кого имеется конектор.

Изображая запоздалое сожаление, Дугин развел руками. Вопреки его ожиданиям, Майский повел себя на удивление спокойно.

– Так, – Майский быстро огладил ладонями покрасневшие щеки. – Ты уверен, что твой конектор исправен?

– Уверен, – ответил Дугин. – Но, если у тебя на этот счет имеются сомнения, можешь попытаться воспользоваться своим.

– Верно!

Майский вскинул руку и суетливым движением отдернул манжет, открывая надетый на запястье браслет конектора. Нажав пару раз на кнопку связи, он в сердцах выругался.

– Не получается? – с сочувствием осведомился Дугин.

– К черту все! – Майский так энергично взмахнул рукой, словно хотел избавиться от конектора. – К дьяволу!.. Это ты меня сюда притащил! – ткнул он пальцем в Дугина с таким видом, словно выступал на процессе изобличения ведьм в качестве главного обвинителя.

– Точно, я, – не стал спорить Дугин. – Но, заметь, пока ты не повернул назад, ничего необычного не происходило.

– И что с того? – с вызовом спросил Майский.

– Ничего, – пожал плечами Дугин. – Я просто констатировал факт... Кстати, возможно, тебе неприятно будет это

слышать, но маршрутная карта с дисплея моего конектора исчезла.

Майский воспринял данное известие с поистине спартанским стоицизмом. Он только еще раз послал Дугина к черту и тем ограничился. Затем он устремил взгляд вверх, словно советуясь с кем-то, увидеть кого ему мешал светящийся потолок прохода, после чего с мрачным видом изрек:

– Похоже, у нас не осталось выбора.

– Ну это ты зря, – с неизбывным оптимизмом тут же отозвался Дугин. – Выбор есть всегда.

– И какой же выбор у нас сейчас? – отнюдь не дружелюбно посмотрел на него Майский.

Дугин указал рукой сначала в ту сторону, откуда они пришли, а затем туда, куда направлялись.

– Это альтернатива для идиота, – незамедлительно вынес свое решение по данному вопросу Майский. И, дабы у его спутника не осталось вообще никаких сомнений, безапелляционным тоном добавил: – Я к таковым не отношусь!

Дугин согласно кивнул. Не спорить же, в самом деле, с шефом, который и без того взвинчен сверх допустимой меры.

– Идем. – Майский дернул трос, чтобы убедиться в том, что он легко и без помех наматывается на катушку, и медленно, ступая осторожно, словно под ногами у него была зыбкая трясина, двинулся в направлении загадочного свечения.

По мере того как люди приближались к освещенной зоне

прохода, свечение не становилось ярче. Вскоре стало заметно, что, вопреки обыкновению, свет излучали только стены. Причем свечение это было неровным – то и дело по стенам пробегали неясные, расплывающиеся тени.

Причина этих колебаний освещенности стала ясна, когда Майский с Дугиным подошли к освещенной зоне на расстояние десяти-двенадцати шагов.

– Нам показывают кино, – сдавленным полусшепотом произнес Дугин.

Говорить в полный голос ему не позволял почти экстатический восторг, от которого перехватило горло и сдавило дыхание в груди. Перед ними было именно то, чего он так долго ждал и на что, несмотря на весь свой зачастую чисто внешний оптимизм, почти не надеялся. Это был контакт. Не дождавшись того, что он сам явится в локус, Лабиринт демонстрировал то, что он искал, – свои видеоархивы. А это означало, что Лабиринт не только верно понял намерения человека, но и сам готов идти на контакт.

– У тебя есть видеокамера? – едва слышно прошептал Майский, который в один момент забыл о всех своих страхах.

В нем вновь заговорила страсть исследователя, который наконец-то узрел нечто такое, что, вне всяких сомнений, достойно приложения знаний и опыта, которыми он обладал. И теперь ему было абсолютно безразлично, какие опасности мог таить в себе столь неожиданный поворот событий.

– Нет, – вынужден был ответить Дугин. Хотя и предполагал, что если бы у Майского имелся при себе пистолет, то, услышав такой ответ, шеф, не задумываясь и не колеблясь ни секунды, пристрелил бы его.

И был бы совершенно прав. Обнаруженный ими феномен, не будучи соответствующим образом зафиксирован, терял большую часть своей значимости. Рассказы двух исследователей, даже полностью подтверждающие друг друга, значили куда меньше, чем мнемочип, содержащий всего пару минут отснятого материала.

Майский на удивление спокойно отреагировал на отрицательный ответ Дугина.

– Болван, – только и сказал он.

Дугину было что возразить на данное заявление, однако он счел за лучшее не спорить с шефом.

– Можешь не рассчитывать на то, что когда-нибудь снова окажешься со мной в одной экспедиции, – добавил Майский, чем вынудил Дугина сказать слово в свою защиту:

– Сомневаюсь, что нам удалось бы что-нибудь отснять, даже если бы у нас была видеокамера.

– Почему? – вопрос был задан тоном учителя, который знает ответ, но хочет услышать его от своего ученика.

– Если бы все было так просто, то Лабиринт позволил бы мне спокойно скачать видеoinформацию через оставленный в локусе конектор.

– Верно, – подумав, согласился Майский.

Дугин довольно улыбнулся.

Но Майский уже не смотрел на него – он быстро шагнул туда, где разворачивалось действие.

Стены по обе стороны прохода были разделены на одинакового размера квадратные экраны, на каждом из которых демонстрировался видеоматериал, отличный от того, что прокручивался на других. Изображение не скользило по поверхности экрана, а как будто находилось в глубине его. Если присмотреться, то можно было увидеть толстый слой идеально прозрачного материала, отделяющего изображение от зрителя. Должно быть, именно этим объяснялось и то, что отчетливо видеть изображение можно было, только стоя напротив экрана. И еще одна примечательная деталь – все фильмы демонстрировались без звукового сопровождения.

На первом экране Майский с Дугиным увидели группу людей, одетых в бронзовые доспехи и шлемы с наличниками и султанами. Что-то безмолвно крича и отчаянно упираясь, люди тащили к открытым городским воротам огромного коня, грубо сколоченного из досок. Действие происходило ночью, на съемочной площадке не имелось никакого дополнительного освещения, и все равно изображение было на удивление четким. Более того, оно было реалистичным. Ни один режиссер не смог бы воспроизвести все те мельчайшие нюансы, создающие некую хаотичность действий, что всегда отличает документальную съемку от постановочной.

– Это снято с натуры, – отчего-то шепотом произнес Ду-

гин.

– Согласен, – Майский не кивнул, а солидно склонил голову, что должно было подчеркнуть его особое отношение к происходящему. – Мы видим ключевой эпизод Троянской войны. 1260 год до нашей эры по старому летосчислению.

– Ты настолько хорошо знаешь древнюю историю, что можешь назвать точную дату? – искренне удивился Дугин.

– Шлиман, – коротко ответил Майский.

– Ну да – Шлиман, – кивнул Дугин. – Я тоже про него слышал.

Майский с сожалением посмотрел на своего спутника.

– Шлиман был первым, кто занялся изучением артефактов, оставленных исчезнувшей цивилизацией, – объяснил он. – До того как Шлиман нашел Трою, сам факт ее существования относили к разряду мифов, что ставит его работу на один уровень с той, которой занимаемся мы.

– А значит, классик жанра, – теперь уже с пониманием кивнул Дугин. И с легкой иронией добавил: – Наверное, именно поэтому Лабиринт решил начать свой экскурс в историю с ключевого эпизода Троянской войны.

Майский ничего не ответил на замечание Дугина, сочтя его не столько насмешливым, сколько глупым.

– А это что значит? – Дугин обернулся и посмотрел на экран, расположенный на противоположной стене.

Пейзаж на нем был тот же самый: ночь, каменная стена, чуть приоткрытые городские ворота, деревянный конь. Вот

только люди в бронзовых доспехах не тащили коня в город, а поливали его какой-то жидкостью из больших двуручных амфор. Солдаты уносили в город пустые амфоры и возвращались с наполненными, неся их привязанными к копьям, концы которых они клали на плечи. Возле деревянного коня они опоражнивали амфоры, выливая их содержимое на оставленный данайцами подарок.

– Ничего не понимаю, – растерянно провел ладонью по щеке Майский.

– Быть может, это какой-то ритуал? – предположил Дугин. – Освящение деревянного коня или жертва богам?

– Не похоже. – Майский вновь погладил себя по щеке.

– Хочу напомнить вам, господин профессор, что дело происходит на Земле, – осторожно заметил Дугин.

– И что с того? – не отрывая взгляд от происходящего на экране, спросил Майский.

– Не оцениваешь ли ты происходящее с точки зрения специалиста по внеземным цивилизациям, пытаюсь усмотреть в нем то, чего на самом деле нет?

– Чепуха! – протестуя взмахнул рукой Майский. – Все антропоморфные цивилизации на ранних стадиях развития весьма схожи.

– Почему?

– Потому что они примитивны.

– Так уж и примитивны, – с сомнением качнул головой Дугин.

– Посуди сам, – указал рукой на экран Майский. – Кому бы сейчас пришло в голову тащить в осажденный город деревянного коня, оставленного противником под городскими стенами? Логично было бы предположить, что конь может оказаться каким-то новым, доселе неизвестным оружием.

– Представь себе ситуацию, – улыбнулся Дугин. – Под стенами твоей крепости стоит танк противника новейшего образца, который еще ни разу не принимал участия в боевых действиях. Ты посылаешь разведчиков и выясняешь, что все люки танка накрепко заперты. Что делать: посылать механиков, чтобы они попытались разобрать танк на месте, ожидая, что в любой момент враг может нанести внезапный удар, или же отбуксировать машину в бокс и уже там спокойно с ней разобраться? Каков будет твой выбор? Только честно.

Майский недовольно поджал губы – вполне очевидный выбор подтверждал правоту Дугина.

– Я не умею мыслить, как военный, – наконец-то нашел что ответить Майский.

– Хорошо, – не стал настаивать на более конкретном ответе Дугин. – Спросим об этом полковника Гланта, когда вернемся на станцию.

– Нет! – неожиданно воскликнул Майский.

– Почему? – удивленно посмотрел на него Дугин.

Взгляд Майского был устремлен на экран.

Из городских ворот выбежал солдат с пылающим факелом в руке. Подбежав к деревянному коню, он, размахнувшись,

закинул факел к нему на спину. Огонь побежал по доскам и быстро скатился к ногам.

– В амфорах было масло, – вне себя от изумления, едва слышно произнес Дугин.

Не прошло и полминуты, как весь деревянный конь оказался охвачен огнем. Какое-то время только его гордо вскинутая голова была не подвластна пламени, но вскоре запылала и она.

В брюхе коня раскрылся потайной люк, и на землю посыпались задыхающиеся от дыма люди. Ломая ногти, они срывали с себя бронзовые панцири, превратившиеся в персональные жаровни. Ни о каком организованном сопротивлении не могло быть и речи. Троянцы безжалостно и хладнокровно пронзали копьями тела беззащитных греков. Несколько из них пригвоздили копьями к земле. Они были еще живы и судорожно извивались, дергая конечностями, словно огромные жуки, пронзенные иголками коллекционера.

– Это омерзительно. – Дугин отвел взгляд в сторону.

– Это поразительно! – восхищенно произнес Майский, не отрывая взгляд от того, что происходило на экране.

– То, как троянцы расправляются с пленными? – едва ли не с ужасом глянул на шефа Дугин.

– Да нет же! – раздраженно взмахнув рукой, Майский бросил быстрый взгляд на Дугина. – Ты понимаешь, что мы видим на этом экране?

– Кровавую бойню, – высказал предположение Дугин.

– Нет, Сережа, – Майский улыбнулся Дугину доброй улыбкой любящего дядюшки. – Мы видим здесь альтернативный вариант истории. Троянцы не стали затаскивать коня в город, а просто подожгли его. План греков, позволивший им в известном нам варианте истории захватить Трою, с треском провалился.

– Буквально с треском, – заметил Дугин, глядя на то, как рушится догорающий остов деревянного коня.

Майский как будто даже и не услышал его реплику.

– И как после этого развивался дальнейший исторический процесс? – Вопрос был произнесен в пустоту, но Дугин все же решил попытаться ответить на него.

– Никак, – сказал он. – Потому что вариант с сожжением троянского коня не был реализован.

– Поразительно! – Майский прижал обе ладони к щекам. – Они видели различные варианты нашей истории!

– Кто? – не понял Дугин.

– Какая разница! – легко отмахнулся от вопроса Майский. – Суть в том, что кто-то имел возможность выбирать, какой из возможных вариантов истории оставить.

– Интересно, чем они руководствовались при этом? – задумчиво произнес Дугин.

Майский оставил вопрос без внимания.

– Давай посмотрим, что там дальше, – предложил он, переходя к следующему экрану.

Бескрайнее заснеженное поле было снято с высоты птичьего полета. Выстроившись тупым клином, по полю двигались сотни две облаченных в тяжелые железные латы всадников навстречу изогнутому дугой строю легковооруженных пеших воинов. Ударив в центр дуги, острие клина глубоко вошло в нее, едва не рассекло надвое. Оборонявшиеся сомкнули ряды и с обоих флангов одновременно ударили по рыцарскому клину. Силы противников были примерно равны, но клинообразный строй служил куда более надежной защитой для тех, кто в нем находился, нежели обычное развернутое построение. Оборонявшиеся воины сопротивлялись с отчаянием обреченных, но силы их неумолимо таяли. Казалось, победа рыцарского клина была уже предрешена, когда неожиданно из-за заснеженных холмов появилась конница. Всадники в остроконечных шапках, скачущие на небольших приземистых лошадях с развевающимися по ветру гривами, ударили по рыцарскому клину с тыла. Оборона рыцарского строя, казавшаяся до этого неуязвимой, была сломлена за считанные минуты. Клин распался на несколько разрозненных групп, уничтожить которые уже не составляло труда.

На противоположном экране разворачивался сценарий той же самой битвы. Только конница из засады так и не появилась, и рыцарский клин, пройдясь, словно утюг, по развернутому строю легковооруженных воинов, сначала расколол его надвое, а затем принялся за методичное уничтожение тех, кто еще оставался жив и пытался оказывать сопро-

тивление.

– Что это за сражение? – спросил Дугин.

– Не знаю, – покачал головой Майский. – Но нам опять представлены два возможных варианта развития событий.

Двигаясь дальше вдоль освещенных стен прохода, они просмотрели еще несколько эпизодов из истории Земли, каждый из которых был представлен в двух вариантах. Главным образом это были решающие моменты каких-то сражений. По мере того как Дугин и Майский продвигались вперед, оружие, с помощью которого люди стремились уничтожить друг друга, становилось все более совершенным. Сначала появилось огнестрельное оружие. Затем место пеших воинов и кавалерии на полях сражений заняли тяжелые танки и самоходные боевые орудия. В небесах разворачивались воздушные бои. Вскоре появилось и ракетное оружие.

По большей части, ни Майский, ни Дугин не могли в точности определить, эпизоды каких сражений были предложены их вниманию. В лучшем случае им удавалось весьма приблизительно определить время действия. Но взрыв, уничтоживший Хиросиму, оба узнали безошибочно. В альтернативном варианте летчик отказался сбрасывать атомную бомбу и повернул самолет на базу.

Также не подлежал сомнениям и один из ключевых эпизодов Шенского конфликта, когда с борта авианосца «Александр Дельвиг» был выброшен десант на планету Риол, которая и явилась камнем преткновения в отношениях меж-

ду Земной федерацией и Республикой Шен. Майский и Дугин видели то, о чем, скорее всего, не знал никто из военного командования Земной федерации. За высадкой десанта наблюдал шенский крейсер, находившийся на стационарной орбите на теневой стороне Риольской луны. На втором экране Майский с Дугиным просмотрели альтернативный вариант развития событий, при котором капитан шенского боевого корабля решил не ограничиваться ролью наблюдателя и перешел к активным боевым действиям. Вражеский боевой корабль появился неожиданно, когда десантные посадочные модули были уже сброшены. Пока истребители, выпущенные «Александром Дельвигом», пытались выстроиться в линию для атаки, шенский крейсер спокойно, как опытный стрелок, случайно заглянувший в тир для любителей, расстреливал десантные посадочные модули. Из двадцати трех до поверхности планеты не долетел ни один. Естественно, такой вариант абсолютно исключал возможность мирного урегулирования конфликта, которым в реальной истории закончилось, к вящей радости обеих противоборствующих сторон, почти трехлетнее вооруженное противостояние Земной федерации и Республики Шен.

Возле трех из двадцати пяти выстроенных в ряд экранов Майский и Дугин стали свидетелями террористических актов. Кто были люди, которых пытались убить вооруженные фанатики, ни Майский, ни Дугин не смогли определить. Но если на одном экране покушение заканчивалось гибелью

жертвы, то на другом террористов ожидала неудача. И наоборот.

– Фантастика! – только и смог произнести Майский, когда они до конца прошли коридор с экранами. – Это открывает удивительные возможности для изучения истории!

Дугин, похоже, не разделял восторгов шефа. Почесав затылок, он задумчиво произнес:

– В значительно большей степени меня занимает вопрос, какими возможностями обладают те, кто отслеживал, а возможно, и направлял нашу историю на протяжении тысячелетий? И какую цель они при этом преследовали?

– Если бы их цели были неблагоприятными, они не стали бы демонстрировать нам то, что мы сейчас увидели, – уверенно заявил Майский.

– Хотелось бы в это верить.

Дугин вновь попытался наладить связь через конектор. И снова не добился результата.

– Нужно возвращаться, – сказал он.

Майский, казалось, готов был разорваться на части. Для того чтобы вернуться в Лабиринт во главе полновесной исследовательской группы, вооруженной всей необходимой аппаратурой, нужно было сначала выйти на первую площадку. Но не исчезнут ли к тому времени удивительные экраны?

Если бы Дугин не зашагал первым в направлении выхода, Майский непременно бы завел речь о том, что кому-то нужно остаться. Ему почему-то казалось, что присутствие чело-

века станет надежной гарантией того, что экраны останутся на своих местах. И, вопреки всем своим подсознательным страхам, он был близок к тому, чтобы предложить на должность хранителя собственную кандидатуру. Но Дугину как будто не было никакого дела до сомнений, снедающих душу шефа. Он уходил все дальше по коридору, и Майскому ничего не оставалось, как только последовать за ним.

В отличие от Майского, Дугин ни разу не обернулся, чтобы бросить прощальный взгляд на удивительный кинозал, который устроил для них Лабиринт. Его обуревали мрачные предчувствия, хотя, казалось бы, никакого повода для этого не было. Лабиринт продемонстрировал людям готовность идти на контакт. То, что он им показал, было, конечно же, малой толикой того, что содержалось в его информационной сети. Но, как верно заметил Майский, Лабиринт не стал бы делать этого, если бы его планы в отношении людей не были дружелюбными. Если, конечно... Да, именно так: если он не был уверен в том, что они уже обречены. Кто знает, быть может, Лабиринту свойственны некоторые человеческие слабости, и, дабы сполна насладиться собственным могуществом, он решил продемонстрировать людям свои возможности перед тем, как уничтожить их? Или же это слишком антропоморфный подход, когда речь идет всего лишь о машине, пусть даже о такой невероятно сложной машине, как Лабиринт?..

Дугину показалось, что путь назад занял у них значитель-

но меньше времени. Хотя в действительности такое вряд ли могло случиться, если только тросы, служившие им путеводными нитями, не стали каким-то образом вдвое короче.

Выйдя на первую площадку, Дугин посмотрел по сторонам и коротко, но весьма выразительно свистнул. Майский же открыл рот, но вместо того, чтобы от души выругаться, только тихо, натужно заскулил.

Площадка была пуста.

Не осталось даже следа от трех стеллажей с оборудованием, которые стояли здесь, когда Майский с Дугиным входили в Лабиринт. Ни обрывка провода, ни клочка бумаги, ни маркера, случайно оброненного кем-то. Точно так же бесследно исчезли и люди, обслуживавшие аппаратуру техники и охранявшие их десантники. Карабины тросов, прежде закрепленные на вертикальной стойке одного из стеллажей, теперь просто лежали на полу. Но, когда Дугин потянул трос, карабин даже не сдвинулся с места. Присев на корточки, Дугин увидел, что карабин примерно наполовину врос в гладкую прозрачную поверхность пола.

– Но ведь хоть что-то должно было остаться? – растерянно посмотрел на Дугина Майский.

– А что-то и осталось, – Дугин указал на легкую раскладную лестницу, ведущую наверх.

Но Майскому хотелось получить иной ответ.

– Что произошло? – требовательно взмахнул он руками. – Куда все подевались?

– Этот вопрос уже не ко мне. – Дугин отстегнул висевшую на поясе катушку с тросом и кинул ее на пол. – Единственное, что я могу сказать: нам нужно скорее отсюда выбираться.

– Как выбираться? – не понял Майский.

– Вверх по лесенке, – Дугин вытянул палец и шевельнул им несколько раз так, словно пересчитывал ее ступеньки. – Потому что если исчезнет и лестница, мы не сможем подняться наверх.

Майский с ужасом посмотрел на лестницу.

– Почему ты думаешь, что лестница может исчезнуть?

– Но ведь исчезло же куда-то все остальное, – Дугин обвел рукой пустое пространство вокруг. – Согласись, Антон, за пару часов, что мы находились в Лабиринте, невозможно демонтировать и поднять наверх всю находившуюся здесь аппаратуру.

Взгляд Майского сделался абсолютно потерянным.

– И что это значит? – спросил он таким тоном, словно и в самом деле рассчитывал получить ответ на свой вопрос.

– Не знаю! – сорвался на крик Дугин, нервы которого тоже были на пределе.

Пнув ногой брошенную на пол катушку с тросом, он решительно направился к лестнице.

– Постой! – кинулся следом за ним Майский.

Добежав до лестницы, он первым ухватился за перекладину.

– Я полезу первый!

– Нет.

Движением плеча Дугин отодвинул Майского в сторону и, не обращая внимания на его причитания, начал быстро взбираться вверх по лестнице.

Майский, не отставая, карабкался следом. Он то и дело попадал ногой мимо перекладины и ругался при этом на чем свет стоит.

Чем ближе был выход из колодца, тем сильнее тревога охватывала душу Дугина. Добравшись до середины лестницы, он поднял голову и посмотрел наверх.

Если даже предположить, что они с Майским, забыв о времени, пробыли в Лабиринте целый день и наверху сейчас царилась ночь, он все равно должен был увидеть хотя бы звезды на небе. Но над головой у него была только тьма. Абсолютная, непроницаемая тьма, черная и пугающая.

Поднявшись до самого верха, Дугин ухватился правой рукой за предпоследнюю лестничную перекладину, а левую поднял над головой. Ему не удалось даже полностью выпрямить руку в локте – пальцы уперлись в твердую прохладную на ощупь поверхность. Дугин провел рукой из стороны в сторону. Поверхность была гладкой и ровной по всем направлениям. Лишь вытянув руку влево, насколько это было возможно, Дугин нащупал кончиками пальцев какую-то неровность, напоминающую сварной шов.

– Что там? – услышал он снизу взволнованный голос Май-

ского.

– Крышка, – ответил Дугин.

– Что?

– Кто-то закрыл выход из Лабиринта... У тебя, кажется, был фонарик?

Неловко зацепившись за лестничную перекладину, Майский снял с пояса фонарик, включил его и передал Дугину.

Перехватив фонарик из руки шефа, Дугин посветил вверх. Выход из колодца был плотно закрыт листом металла.

Глава 8

Следы на песке

Определение «разлом», предложенное Нестором Леру в первый же день катастрофы, оказалось настолько удачным, что прочно закрепилось в языке обитателей станции. Теперь уже никто не называл произошедшее иначе как разломом. Хотя подлинные причины трагедии, разделившей станцию надвое, оставались непонятными.

В мире, в котором помимо своей воли оказались участники второй плановой экспедиции на РХ-183, не было смены дня и ночи. Над красной пустыней постоянно нависали багровые сумерки. Рисунок пурпурных облаков на куполообразном небе все время оставался неизменным. Когда Кийск смотрел на это странное небо, он вспоминал застывший в воздухе флаг на мачте возле входа в Лабиринт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.